

МАРГАРИТА ФУАРО

Он выбрал другую.
А его дети
выбрали меня.

ДРАКОН
ВЫБРАЛ ДРУГУЮ.
А ЕГО ДЕТИ
выбрали меня

Маргарита Фуаро

Дракон выбрал другую.

А его дети выбрали меня

<https://litres.ru/74205368>

Аннотация

ФИНАЛ 22 ИЮНЯПРОДОЛЖЕНИЯ КАЖДЫЙ ДЕНЬ Я умерла в тот день, когда муж выбрал другую.

А очнулась в теле женщины, от которой тоже отказались.

Теперь я - Элиана Морвейн, ненужная жена могущественного драконьего лорда. Каэль уже подписал бумаги о разводе. Его новая избранница прекрасна, благородна и, как уверяют все вокруг, предназначена ему самой магией.

Мне бы уйти.

Забыть этот ледяной замок, чужой брак и мужчину, который смотрит на меня так, будто я принесла беду в его дом.

Но его дети прячутся за моей спиной.

Старший наследник не доверяет никому. Младшая дочь почти не говорит и дрожит при виде новой невесты отца.

- Не отдавайте нас ей, - шепчет маленькая драконица. - Она пахнет смертью.

Дракон выбрал другую.

А его дети выбрали меня.

И теперь я не уйду, пока не узнаю, кто на самом деле хочет уничтожить его род.

Содержание

Глава 1. Дракон выбрал другую	5
Глава 2. Ненужная жена	25
Глава 3. Белая леди	45
Глава 4. Хозяйка, прикажи	68
Глава 5. Письмо первой матери	95
Глава 6. Третий выбор	116
Глава 7. Первый предатель	138
Глава 8. Сердце Лиары	161
Глава 9. Закон против сердца	183
Конец ознакомительного фрагмента.	192

Глава 1. Дракон выбрал другую

Я поняла, что мой брак умер, ещё до того, как открыла дверь спальни.

Иногда тело знает правду раньше разума.

В прихожей стояли чужие женские сапоги. Узкие, лакированные, на тонком каблуке. Не мои. Слишком смелые для меня, слишком дорогие для случайной гостьи, слишком уверенно оставленные рядом с тапочками моего мужа.

В квартире пахло его одеколоном. И чужими сладкими духами.

Я замерла, держа в руке пакет с продуктами. В пакете тихо хрустнул багет, будто тоже не выдержал этой тишины.

Сегодня я должна была вернуться поздно. У меня отменился последний приём, и я решила сделать Роме сюрприз. Купить его любимый сыр. Вино. Испечь мясо с розмарином, как он любил.

Глупая.

Господи, какая же я была глупая.

Из спальни донёсся смех.

Женский.

Молодой. Звонкий. Совсем не стыдливый.

— Ром, перестань, — протянула она. — Она же может вернуться.

— Не вернётся, — ответил мой муж.

Мой.

Слово вдруг стало мерзким, липким, как пятно на стекле.

Я не помнила, как дошла до спальни. Не помнила, как пальцы легли на ручку. Не помнила даже, дышала ли.

Дверь открылась почти бесшумно.

Роман сидел на нашей кровати. На той самой, где я ещё утром поправляла покрывало и думала, что мы просто устали друг от друга, что это бывает, что нужно переждать, поговорить, съездить куда-нибудь вместе.

Рядом с ним была женщина.

Не девочка, нет. Но моложе меня. С гладкими светлыми волосами, голым плечом и моей серёжкой в руке.

Моей.

Она примеряла мои серьги.

И это почему-то ударило сильнее, чем её тело под нашей простынёй.

— Марина, — сказал Рома.

Без ужаса. Без раскаяния. Даже без попытки вскочить.

Просто сказал моё имя так, будто я вошла не вовремя на совещание.

Женщина резко натянула простыню до груди. Её глаза расширились, но в них не было стыда. Только досада. Будто я испортила вечер.

— Это... — начала она.

— Молчи, Лика, — устало сказал Рома.

Лика.

У неё даже имя было лёгкое. Как пузырьрёк шампанского. Как летнее платье. Как то, чем я никогда не была.

Я посмотрела на мужа. На его спокойное лицо. На складку между бровей, которая появлялась у него, когда он считал, что я снова слишком драматизирую.

— Сколько? — спросила я.

Голос оказался чужим. Сухим. Ровным.

— Марин...

— Сколько времени?

Он провёл ладонью по лицу.

— Не надо сейчас.

— Сколько, Рома?

Лица опустила глаза, но уголок её губ дрогнул. Она знала ответ. Конечно знала.

— Полгода, — сказал он наконец.

Полгода.

Полгода я думала, что мы просто отдалились. Полгода я искала новые рецепты, покупала красивое бельё, читала статьи о кризисе брака, предлагала семейного психолога, хотя сама была психологом и прекрасно понимала: нельзя спасти то, что второй человек уже похоронил.

— Выйди, — сказала я Лике.

Она посмотрела на Романа.

На него.

Не на меня.

— Лица, выйди, — повторил он.

Она поднялась, завернулась в мою простыню и прошла мимо меня. На секунду остановилась у двери.

— Простите, — сказала она тихо.

И это “простите” было хуже пощёчины. Вежливое. Пустое. Как чек из магазина.

Когда мы остались вдвоём, я вдруг заметила на тумбочке две чашки кофе. Мою чашку. Белую, с трещинкой у ручки.

— В моей чашке? — почему-то спросила я.

Роман выдохнул.

— Марин, не начинай.

— Не начинай? — Я тихо рассмеялась. — Я пришла домой и застала тебя с любовницей в нашей постели. А ты говоришь мне “не начинай”?

— Я не хотел, чтобы ты узнала так.

— А как ты хотел? За ужином? “Передай соль, дорогая, и, кстати, я полгода сплю с другой”?

Он поморщился.

— Ты всегда умела больно говорить.

— Я? — Я шагнула ближе. — Это я сейчас делаю больно?

Он молчал.

И это молчание вдруг стало ответом на все мои последние месяцы. На его поздние возвращения. На холодные поцелуи в висок. На “я устал”. На “не сейчас”. На “ты слишком всё анализируешь”.

Я действительно всё анализировала.

Кроме очевидного.

— Почему? — спросила я.

Роман посмотрел на меня так, будто я задала самый неудобный и при этом самый бессмысленный вопрос.

— Марин, ты хорошая.

Я закрыла глаза.

Нет.

Только не это.

— Не надо.

— Ты правда хорошая, — продолжил он. — Умная. Надёжная. Родная. Но...

— Но?

Он поднялся с кровати и начал застёгивать рубашку. Медленно. Аккуратно. Будто собирался не разрушить мою жизнь, а выйти за хлебом.

— Но рядом с ней я чувствую себя живым.

В груди что-то оборвалось.

Не громко. Не красиво. Без драматичной музыки.

Просто — щёлк.

Как выключатель.

— А рядом со мной? — спросила я.

Он не ответил сразу.

И этого хватило.

— Рядом с тобой спокойно, — сказал он наконец. — Удобно. Но я устал быть правильным. Устал от разговоров, планов, ответственности. С Ликой всё проще.

Удобно.

Я была удобной.

Женщиной, которая помнит про его лекарства. Которая спрашивает, ел ли он. Которая отменяет свои планы, если ему плохо. Которая годами складывает себя в аккуратную коробочку, чтобы никому не мешать.

— Я хочу развода, — сказал Роман.

Вот так.

Не “прости”. Не “я виноват”. Не “давай попробуем”.

Я хочу развода.

— Хорошо, — сказала я.

Он удивился.

— Хорошо?

— Да. Хорошо.

Я сняла обручальное кольцо.

Оно не хотело сходить. Кожа под ним побелела, будто даже палец сопротивлялся. Я потянула сильнее, почти до боли, и кольцо наконец соскользнуло.

Я положила его на тумбочку рядом с моей чашкой, из которой пила другая женщина.

— Марин...

— Не надо, — сказала я. — Ты уже всё сказал.

Я вышла из спальни. В прихожей Лика стояла в своём платье, прижимая к груди сумочку. Она отступила, когда я прошла мимо.

— Мне правда жаль, — прошептала она.

Я остановилась.

Посмотрела на неё.

Красивая. Молодая. Испуганная только потому, что сцена вышла некрасивой.

— Нет, — сказала я. — Тебе не жаль. Тебе неудобно. Это другое.

Она покраснела.

Я взяла пальто, ключи, сумку. Пакет с продуктами остался на полу. Из него выкатилась груша и покатилась к двери спальни.

Роман позвал:

— Марина!

Я не обернулась.

Если бы обернулась — распалась бы.

На улице шёл дождь. Холодный, злой, весенний. Он сразу намочил волосы, ворот пальто, лицо. Я шла куда-то, не разбирая дороги. Машины расплывались красными и белыми пятнами. Люди под зонтами обходили меня, как препятствие.

Телефон вибрировал в кармане.

Рома.

Рома.

Рома.

Потом сообщение.

“Давай поговорим спокойно”.

Я рассмеялась.

Спокойно.

Конечно.

Я же удобная. Надёжная. Взрослая. Я должна спокойно обсудить, как мой муж полгода водил любовницу в нашу постель.

Перед глазами вдруг всё поплыло.

Я остановилась у перехода. Светофор мигал зелёным. Кто-то рядом шагнул вперёд. Я тоже шагнула.

Сигнал машины разорвал воздух.

Резкий свет.

Крик.

Удар.

И тишина.

Только почему-то в этой тишине пахло не асфальтом и дождём.

А дымом.

Пеплом.

И холодным камнем.

Я открыла глаза.

Первое, что увидела, — чёрный потолок где-то очень высоко надо мной. По нему ползли золотые линии, похожие на трещины лавы. Они мерцали, будто дышали.

Я лежала на полу.

На ледяном каменном полу.

Тело болело так, словно меня действительно сбила машина. Но боль была странной. Чужой. Слишком тонкие запястья. Слишком тяжёлые волосы, рассыпавшиеся по плечам.

Слишком тесное платье, впившееся в рёбра.

Я попыталась подняться — и застонала.

— Очнулась, — произнёс мужской голос.

Низкий. Холодный. Такой голос не просил. Он приказывал даже тогда, когда просто называл факт.

Я повернула голову.

Передо мной стоял мужчина.

Высокий. Невероятно высокий. В чёрном камзоле, расшитом серебром. Широкие плечи. Тёмные волосы до воротника. Лицо резкое, красивое и совершенно безжалостное.

Но не это заставило меня забыть, как дышать.

Его глаза.

Золотые.

Вертикальные зрачки сузились, когда он посмотрел на меня.

Драконьи.

Я попыталась отползти назад, но ладонь скользнула по полу.

— Где я? — прошептала я.

Мужчина чуть приподнял бровь.

— Внезапная потеря памяти? Удобно.

Я села, прижимая руку к виску. Перед глазами качнулся огромный зал. Чёрные колонны. Высокие окна. За ними — снег. Или пепел? У дальней стены горел камин размером с комнату.

Рядом с мужчиной стояла женщина.

Белое платье. Белые волосы, уложенные идеальными волнами. Нежное лицо. Тонкая шея. Руки сложены так кротко, будто она пришла молиться.

Но её глаза смотрели на меня с тихим торжеством.

— Каэль, — мягко сказала она, — может, лекаря?

Каэль.

Имя ударило в память чужим колоколом.

Лорд Каэль Морвейн.

Муж.

Не мой.

Нет. Нет, это невозможно.

В голове вспыхнули обрывки: зеркало, бледное лицо с серебристыми волосами, имя Элиана, холодный замок, шёпот слуг, детский плач за стеной, бумаги о разводе.

Я зажмурилась.

Чужие воспоминания хлынули резко, болезненно, как ледяная вода.

Элиана Морвейн.

Жена драконьего лорда.

Ненужная жена.

Женщина, от которой он собирался избавиться.

Я вцепилась пальцами в ткань платья.

Нет.

Только не снова.

— Достаточно представления, — сказал Каэль.

Он взял со стола лист пергамента и бросил его передо

мной. Лист скользнул по камню и остановился у моих колен.

На нём были строки, написанные красивым строгим почерком.

Я не знала этого языка.

И одновременно знала.

“Прощение о расторжении брачного союза...”

Развод.

Я медленно подняла взгляд.

— Что это?

Каэль посмотрел на меня так, словно я была пятном грязи на его сапоге.

— Твоя свобода, леди Морвейн. И моя тоже.

Женщина в белом опустила глаза. Слишком быстро. Слишком красиво.

— Я не понимаю, — сказала я.

— Тогда объясню просто. — Каэль сделал шаг ближе. Воздух вокруг него будто стал горячее. — Ты подпишешь развод до рассвета. Получишь содержание, дом на юге и охрану до границы. После этого покинешь Север и больше никогда не приблизишься к моим детям.

К моим детям.

В чужой памяти что-то дрогнуло.

Двое детей. Мальчик с упрямым взглядом. Маленькая девочка с большими испуганными глазами. Мира. Риан.

Сердце сжалось так, будто я знала их не минуту, а всю жизнь.

— Почему? — спросила я.

Каэль усмехнулся. Без радости.

— Ты ещё спрашиваешь?

— Да. Спрашиваю.

Это был, кажется, первый раз, когда Элиана Морвейн не опустила глаза перед мужем.

В зале стало тише.

Даже женщина в белом подняла голову.

Каэль медленно склонился ко мне. Золотые глаза полыхнули.

— Потому что с твоим появлением в этом доме начались несчастья. Потому что моя дочь кричит по ночам. Потому что мой сын перестал доверять людям. Потому что лекари не могут объяснить, почему Мира слабеет после каждого твоего визита в детское крыло.

Я похолодела.

— Я не...

— Не лги.

Два слова. Как удар плетью.

Во мне поднялось что-то горячее. Моё. Не Элианино. Не сломленное, не тихое, не привыкшее оправдываться.

Моё.

— Я не знаю, что здесь произошло, — сказала я медленно. — Но если ребёнку плохо, нужно искать причину, а не удобную виноватую.

Каэль замер.

— Что ты сказала?

— Вы слышали.

Женщина в белом сделала шаг вперёд.

— Леди Элиана, не стоит усугублять. Лорд Морвейн и так проявляет милосердие. После всего, что случилось...

— После чего? — резко спросила я.

Она осеклась.

И вот это было интересно.

— После чего, леди...?

— Селеста, — подсказала она мягко. — Леди Селеста Арвель.

Имя тоже вспыхнуло в памяти.

Селеста.

Новая избранница.

Истинная пара.

Женщина, которую Каэль выбрал вместо жены.

Снова другая.

Я почти рассмеялась. Миры менялись, мужчины — нет.

— Леди Селеста, — повторила я. — Если вы знаете, что случилось с детьми, говорите прямо.

Её улыбка дрогнула.

Каэль выпрямился.

— Не смей разговаривать с ней таким тоном.

Вот оно.

Знакомое.

До боли знакомое.

С другой — мягко. Со мной — приказ.

Я поднялась на ноги. Голова кружилась, но я устояла. Платье оказалось тяжёлым, тёмно-синим, расшитым серебром. На пальце блестело кольцо с чёрным камнем.

Кольцо жены.

Второе кольцо за один день.

— Каким тоном мне разговаривать с женщиной, ради которой вы выгоняете меня из дома? — спросила я.

В зале кто-то тихо ахнул. Только сейчас я заметила слуг у стен. Советников. Стражу.

Значит, развод был публичным.

Унижение — тоже.

Каэль подошёл ближе.

— Ты забываешься.

— Нет, милорд. Кажется, я как раз начинаю вспоминать.

Его глаза сузились.

На мгновение мне стало страшно. Очень. Потому что передо мной стоял не Роман с его жалкой усталостью и любовью в простыне. Передо мной стоял мужчина, от которого веяло огнём, властью и чем-то древним, хищным.

Но я уже умирала сегодня.

И, возможно, именно поэтому страх больше не управлял мной.

Каэль протянул мне перо.

— Подпиши.

Я посмотрела на перо. На пергамент. На Селесту. На слуг,

которые ждали, когда ненужная жена наконец исчезнет.

Подписать — и уйти.

Это было бы правильно.

Разве не этого я хотела? Начать сначала. Без мужчины, который выбрал другую. Без дома, где меня ненавидят. Без чужих детей, чужих интриг, чужой боли.

Я взяла перо.

Селеста едва заметно выдохнула.

Каэль смотрел холодно.

И в этот момент двери зала распахнулись.

— Милорд! — вскрикнула служанка. — Простите, я не смогла её удержать!

В зал вбежала маленькая девочка.

Лет пяти. В ночной рубашке. Босая. С растрёпанными тёмными кудрями и огромными золотистыми глазами.

Она остановилась на пороге, увидела Селесту — и побелела.

Настоящая паника исказила детское лицо.

— Мира, — резко сказал Каэль. — Почему ты не в постели?

Девочка не ответила. Её взгляд метнулся по залу, нашёл меня.

И она бросилась ко мне.

Не к отцу.

Ко мне.

Тонкие руки обхватили мою талию. Маленькое тело дро-

жало так сильно, что у меня перехватило дыхание.

— Не отдавайте меня ей, — прошептала она.

Перо выпало из моих пальцев.

Каэль шагнул вперёд.

— Мира. Отойди от леди Элианы.

Девочка вцепилась сильнее.

— Нет.

Слово было тихим, но в зале оно прозвучало громче приказа.

Селеста побледнела, потом мягко улыбнулась.

— Бедная малышка. Она просто напугана. После болезни дети часто путают...

Мира резко спрятала лицо в моём платье.

— Она пахнет пеплом, — прошептала девочка. — И смертью.

Тишина стала ледяной.

Я медленно положила ладонь на её волосы.

Не думая. Просто так, как делала сотни раз с детьми, которые приходили ко мне в кабинет после разводов, потерь, криков за стеной. С теми, кто не умел объяснить страх словами, но всем телом просил: “Не бросайте”.

— Тише, — сказала я. — Я здесь.

Мира всхлипнула.

Каэль смотрел на нас так, будто видел невозможное.

— Что ты с ней сделала? — спросил он глухо.

Я подняла голову.

— Сейчас? Обняла.

Его лицо стало жёстким.

— Моя дочь не подходит к тебе уже два месяца.

— Значит, у неё была причина.

— Именно.

Он сделал ещё шаг, но девочка вскрикнула, и я инстинктивно отступила, закрывая её собой.

Закрывая дочь дракона от самого дракона.

Безумие.

Но я не могла иначе.

— Не пугайте её, — сказала я.

— Ты приказываешь мне в моём доме?

— Я прошу вас не пугать ребёнка.

Селеста тихо произнесла:

— Каэль, позвольте мне. Я попробую её успокоить.

Она шагнула к нам.

Мира издала такой звук, что у меня кровь застыла. Не крик даже. Сломанный, звериный всхлип.

И тут из боковой двери появился мальчик.

Худой, бледный, лет восьми. В тёмном халате, с прямой спиной и слишком взрослыми глазами. Он шёл медленно, но в каждом шаге было упрямство.

— Риан, — сказал Каэль уже тише. — Немедленно вернись в комнату.

Мальчик остановился рядом со мной. Не прикоснулся. Просто встал.

Между Селестой и сестрой.

— Она опять приходила, — сказал он.

Селеста вздрогнула.

— Риан, милый, ты, должно быть, видел дурной сон.

Он посмотрел на неё так, что даже мне стало холодно.

— Я не ваш милый.

Каэль резко повернулся к Селесте.

— Что значит “опять приходила”?

— Дети фантазируют, — быстро сказала она. — После смерти матери, после болезни... Им нужна стабильность. Новая семья. Забота.

— Нам не нужна она, — сказал Риан.

Его голос дрожал, но он не отступил.

Я смотрела на этого мальчика и видела: он боится. Ужасно боится. Но держится, потому что за его спиной маленькая сестра.

Каэль сжал челюсть.

— Риан, ты не понимаешь.

— Я всё понимаю, отец.

Отец.

Не папа.

Моё сердце болезненно кольнуло.

Риан поднял на меня взгляд.

В нём не было доверия. Ещё нет. Только отчаянный выбор из двух зол.

Но иногда ребёнку достаточно одного взрослого, который

не отмахнётся.

— Вы уйдёте? — спросил он меня.

Вопрос ударил под дых.

Я должна была сказать “да”.

Я должна была подписать бумаги, выйти из этого страшного зала, найти способ выжить в новом мире и больше никогда не вмешиваться в чужую семью.

Но пальцы Миры дрожали на моём платье.

А Риан смотрел так, будто уже знал ответ и заранее ненавидел меня за него.

Я медленно выдохнула.

— Я уйду только тогда, когда буду знать, что вы в безопасности.

Мальчик моргнул.

Впервые его лицо дрогнуло.

— Тогда вы никогда не уйдёте, — сказал он.

Каэль побледнел.

Селеста перестала улыбаться.

А где-то над нами, в чёрном потолке, золотые линии вспыхнули ярче.

Будто сам замок услышал.

Мира подняла голову и совсем тихо, почти неслышно, сказала:

— Мама...

Зал замер.

Я тоже.

Маленькая девочка смотрела на меня испуганно, будто сама не поняла, как это слово вырвалось.

Каэль сделал шаг назад.

— Нет, — хрипло сказал он. — Мира, не смей.

Но было поздно.

Кольцо на моей руке обожгло палец.

По стенам пробежал золотой свет.

Риан встал ещё ближе ко мне и впервые взял меня за руку.

Его ладонь была холодной.

Голос — твёрдым.

— Папа выбрал её, — сказал он, глядя прямо на отца. —

А мы выбираем вас.

И в этот момент я поняла: мой развод с драконом только что стал войной.

Глава 2. Ненужная жена

Золотой свет полз по стенам, как живой.

Он вспыхивал в трещинах чёрного камня, стекал по колоннам тонкими огненными нитями, собирался под потолком в древние знаки, которых я не знала — и всё равно понимала: это не просто свет.

Это ответ.

Замок услышал детей.

Кольцо на моём пальце жгло так, будто его раскалили в огне. Я хотела сорвать его, но Риан держал меня за руку. Сильно. Почти больно. Так, как держатся не за человека, а за последнюю верёвку над пропастью.

Мира пряталась у меня за спиной и всё ещё дрожала.

— Папа выбрал её, — повторил Риан, глядя на отца. — А мы выбираем вас.

В зале никто не дышал.

Слуги побледнели. Кто-то прижал ладонь ко рту. Стражники переглядывались, но не двигались, будто боялись, что любой шаг разрушит то, что только что произошло.

Каэль стоял неподвижно.

Его лицо стало страшным. Не злым даже — каменным. Только глаза выдавали, что внутри него сейчас бушует нечто большее, чем гнев.

Огонь.

— Отойди от неё, Риан, — сказал он.

Голос был низким и слишком спокойным.

Таким голосом не просили. Таким голосом перед казнью зачитывали приговор.

Риан вздрогнул, но не отступил.

— Нет.

Каэль медленно перевёл взгляд на меня.

— Что ты с ними сделала?

Я устала от этого вопроса ещё до того, как успела прожить в этом мире хотя бы час.

— Ничего.

— Не лги мне.

— Я не лгу.

— Моя дочь назвала тебя матерью.

В его голосе дрогнуло что-то такое, что на мгновение стало ясно: его ярость не только из-за меня. Его ранило это слово.

Мама.

Слово, которое Мира сказала не ему. Не той, кого он выбрал. Не женщине в белом.

Мне.

Я опустила ладонь на плечо девочки. Мира всхлипнула и прижалась сильнее.

— Возможно, вам стоит спросить не меня, почему она это сделала, — сказала я тихо. — А её.

— Не смей использовать детей против меня.

— Я? — У меня сорвался смешок. Нервный, горький. — Милорд, я очнулась на полу десять минут назад. Вы бросили мне бумаги о разводе, ваша невеста уже примеряет роль хозяйки, дети дрожат от страха, а виновата снова я?

Селеста побледнела.

Очень красиво побледнела. Так, как умеют женщины, которые даже слабость превращают в оружие.

— Леди Элиана, — произнесла она мягко, — вы сейчас не в себе. Это понятно. Слишком много волнения. Но дети больны. Их нельзя втягивать в ваши обиды.

— В мои обиды? — Я повернулась к ней. — Это вы сейчас называете детский страх моей обидой?

Её губы едва заметно сжались.

Каэль сделал шаг вперёд.

— Довольно.

Свет на стенах вспыхнул ярче.

Мира испуганно пискнула.

И тогда произошло странное.

Каменный пол между нами и Каэлем треснул тонкой золотой линией.

Не сильно. Не опасно. Но достаточно, чтобы все увидели: замок не хотел, чтобы он подходил.

Каэль замер.

На его лице впервые мелькнуло нечто похожее на потрясение.

— Невозможно, — прошептал кто-то из стариков у стены.

Я заметила его только теперь: худой мужчина в длинной серой мантии, с серебряной цепью на груди. Советник? Маг? Лекарь?

Он смотрел на меня так, будто я была не женщиной, а ожившим проклятием.

— Что это значит? — спросила я.

Никто не ответил.

Зато Селеста заговорила сразу:

— Это значит, что магия рода нестабильна. Каэль, дети напуганы, замок реагирует на их страх. Нельзя позволять этому продолжаться.

— Как удобно, — сказала я.

Она медленно повернула голову.

— Простите?

— Каждый раз, когда происходит что-то, что вам не нравится, вы называете это болезнью детей или нестабильной магией.

— Вы не понимаете законов этого мира.

— Возможно. Но я прекрасно понимаю, когда взрослые не слушают ребёнка.

Риан вдруг сжал мою руку ещё сильнее.

Каэль это увидел.

Его взгляд потемнел.

— Риан, Мира. В детское крыло. Немедленно.

— Нет! — Мира вцепилась в меня. — Нет, нет, нет...

— Мира.

Одно слово, а в нём — приказ отца, лорда, дракона.
Девочка задрожала так сильно, что я не выдержала.
— Не надо так.

Каэль посмотрел на меня убийственно спокойно.

— Ты не будешь учить меня говорить с моими детьми.

— Тогда перестаньте говорить с ними как с провинившимися солдатами.

В зале кто-то ахнул.

Риан поднял голову. В его глазах впервые мелькнуло что-то кроме страха. Удивление. Почти надежда.

Каэль шагнул ко мне, и золотая трещина на полу вспыхнула.

— Ты забываешь, кто перед тобой.

— Нет, милорд. Я просто впервые за этот вечер помню, кто перед вами.

— И кто же?

Я посмотрела на Миру. На Риана. На пергамент о разводе у моих ног.

— Женщина, которую вы уже выгнали. Так что мне больше нечего терять.

Его лицо окаменело.

Селеста тихо вдохнула, будто я сказала нечто неприличное.

Старик в серой мантии кашлянул.

— Милорд, детям действительно лучше уйти. Резонанс родовой печати может усилиться.

Каэль не сводил с меня глаз.

— Нэсса.

Из-за колонны тут же выступила молодая служанка. Рыжеватые волосы выбились из-под белого чепца, глаза были красными, будто она недавно плакала.

— Да, милорд.

— Отведи детей.

Мира всхлипнула:

— Нет...

Я присела перед ней, насколько позволяло это тяжёлое платье.

— Посмотри на меня.

Девочка неохотно подняла мокрые глаза.

Сердце сжалось до боли.

Пять лет. Ей было всего пять.

— Ты пойдёшь с Нэссой, — сказала я мягко. — А я...

Я запнулась.

Не могла обещать то, чего не знала.

Останусь? Меня могли выкинуть за ворота через минуту.

Приду? Меня могли не пустить.

Спасу? Я сама не понимала, куда попала.

Риан смотрел на меня пристально. Он ждал. Дети всегда слышат ложь лучше взрослых.

Я выдохнула.

— Я постараюсь прийти к вам, как только смогу.

Мира всхлипнула.

— Правда?

— Правда.

— Вы не отдадите нас ей?

За моей спиной Селеста шевельнулась.

Я посмотрела девочке в глаза.

— Я не позволю никому причинить вам боль.

— Леди Элиана, — резко сказал Каэль. — Осторожнее с обещаниями.

Я поднялась.

— Вот именно, милорд. Осторожнее. Дети их запоминают.

Риан отпустил мою руку не сразу.

Перед тем как уйти, он наклонился к Мире и что-то шепнул ей. Девочка кивнула. Потом Нэсса увела их к боковой двери.

Мира всё время оглядывалась.

Когда двери закрылись, в зале стало холоднее.

И пустее.

Каэль поднял с пола пергамент. Медленно. Слишком медленно.

— Ты довольна? — спросил он.

— Нет.

— Ты устроила сцену перед всем домом.

— Эту сцену устроили вы, когда решили разводиться публично.

Его губы сжались.

Селеста шагнула к нему и положила ладонь на рукав.

Жест был почти невинным.

Почти.

— Каэль, не стоит. Леди Элиана явно пережила потрясение. Возможно, она сама не понимает, что говорит.

Я посмотрела на её пальцы на его рукаве.

И снова будто увидела Лику в нашей спальне. С моей серьгой. В моей простыне. С этим тихим, осторожным правом прикасаться к чужому мужчине, пока жена ещё стоит рядом.

Только здесь всё было хуже.

Здесь жена была я.

И я была лишней.

— Уберите руку, — сказала я.

Селеста моргнула.

— Что?

— Я сказала: уберите руку с моего мужа.

В зале стало так тихо, что где-то в камине треснуло поле-но.

Каэль медленно повернулся ко мне.

— Пять минут назад ты собиралась подписать развод.

— Ещё не подписала.

Селеста убрала руку. На её лице появилась тень. Быстро. Почти незаметно. Но я увидела.

Каэль тоже увидел меня. По-настоящему.

Не как прежнюю Элиану. Не как виноватую женщину, которую удобно выкинуть. А как нечто новое, непредсказуе-

мое, раздражающее.

— И что же изменилось? — спросил он.

Я подняла подбородок.

— Ваши дети попросили защиты.

— От женщины, которую скоро признает весь Север моей истинной парой?

— Дети не боятся титулов. Они боятся людей.

— Ты ничего о ней не знаешь.

— А вы, похоже, ничего не знаете о собственных детях.

Удар попал.

Я поняла это по тому, как на его щеке дёрнулась мышца.

— Достаточно, — сказал он. — Тебя проводят в твои покои. До утра ты останешься там. Под охраной.

— Под охраной или под арестом?

— Называй как хочешь.

— Я хочу увидеть детей.

— Нет.

Коротко. Без колебаний.

— Мира напугана.

— Именно поэтому ты к ней не подойдёшь.

— Она напугана не мной.

— Я сказал нет.

Внутри вспыхнула злость.

— Вы всегда так делаете? Сначала не слушаете, потом за-прещаете, потом удивляетесь, почему дети бегут не к вам?

Он оказался рядом так быстро, что я не успела отступить.

Горячий воздух ударил в лицо. Его глаза были уже не просто золотыми. В них будто двигалось пламя.

— Не испытывай моё терпение, Элиана.

Имя прозвучало как приговор.

Я смотрела на него снизу вверх и вдруг поняла: прежняя хозяйка этого тела боялась его до дрожи. Память тела помнила, как опускать глаза, как сжимать пальцы, как молчать, когда он говорил таким голосом.

Но я была не она.

Я была Марина Орлова.

Женщина, которую сегодня уже сломали один раз.

Второй раз не выйдет.

— А вы не испытывайте моё, милорд.

В его взгляде мелькнуло что-то опасное.

И странное.

Будто он не знал, что делать с женщиной, которая перестала быть удобной.

Старик в серой мантии снова кашлянул.

— Милорд, леди действительно нужно осмотреть. Падение, обморок, резонанс печати... Это может быть опасно.

— Осмотришь её в покоях, Арвен, — сказал Каэль. — После того как я закончу.

— Вы ещё не закончили? — спросила я.

— Нет. — Он наклонился ближе. — Запомни, Элиана. Если я узнаю, что ты каким-либо образом повлияла на детей, если ты использовала их страх, болезнь или родовую магию

ради того, чтобы остаться в этом доме, я не ограничусь разводом.

Холод прошёл по спине.

— Вы мне угрожаете?

— Я предупреждаю.

— Тогда и вы запомните. Если я узнаю, что вашим детям действительно угрожает опасность, я тоже не ограничусь разговорами.

Селеста тихо рассмеялась.

Очень мягко.

— Леди Элиана, вы говорите так, будто имеете право вмешиваться.

Я повернулась к ней.

— А вы говорите так, будто уже хозяйка этого дома.

Она улыбнулась.

— Скоро ею стану.

Вот оно.

Без маски. На одну секунду.

— Возможно, — сказала я. — Но сегодня замок зажёгся не для вас.

Её глаза стали холодными.

Каэль резко приказал:

— Уведите её.

Два стражника двинулись ко мне.

Я не сопротивлялась. Не потому, что смирилась. А потому, что ноги вдруг стали ватными, а виски сдавила такая

боль, что зал поплыл перед глазами.

Меня повели через боковую дверь. Я успела оглянуться.

Селеста стояла рядом с Каэлем. Белая. Прекрасная. Почти святая.

Но смотрела она не на него.

На меня.

И в её взгляде не было ни жалости, ни тревоги, ни благо-родства.

Там была ненависть.

Настоящая.

Живая.

Такая сильная, что я впервые подумала: дети, возможно, не просто боялись.

Дети знали.

Меня привели в покои, которые оказались слишком боль-шими для одной несчастной женщины.

Холодные стены. Высокие окна. Тёмная мебель. Кровать под синим балдахином. Зеркало в полный рост, завешенное тканью.

На столике стояла нетронутая еда. Рядом — бокал с тём-но-красным напитком.

— Не пейте, миледи, — едва слышно сказала Нэсса.

Я обернулась.

Служанка стояла у двери, сжимая руки перед собой. Стражники остались снаружи. Мы были одни.

— Что?

Она побледнела, будто сама испугалась своих слов.

— Простите. Я не должна была.

— Нэсса, да?

Девушка кивнула.

— Подойди.

— Миледи...

— Я не укушу.

Она нервно сглотнула и подошла на пару шагов.

— Почему мне нельзя пить?

Нэсса посмотрела на бокал.

— После таких настоев вы обычно долго спите.

— Обычно?

Она замолчала.

Я медленно опустилась в кресло. Тело дрожало от усталости и боли. В зеркале под тканью угадывался мой силуэт — чужой, тонкий, сереброволосый.

— Нэсса, послушай меня внимательно. Я многое... не помню.

Это было почти правдой.

— Мне нужно понять, что происходит. Почему все считают, что я навредила детям?

Девушка подняла на меня испуганные глаза.

— Потому что после вашего приезда леди Мира начала болеть.

— После моего приезда?

— После свадьбы, миледи. Сначала кошмары. Потом жар.

Потом ожоги.

Я напряглась.

— Ожоги?

Нэсса прикусила губу.

— На руках. Иногда на спине. Лекари говорили, что это внутренний огонь просыпается неправильно. Но...

— Но?

— Но леди Мира кричала одно и то же.

— Что?

Нэсса прошептала:

— “Белая леди”.

У меня похолодели пальцы.

— Она говорила это раньше?

— Да. Но лорд решил, что она путает. Леди Селеста ведь... добра к ней при всех. А вы...

— А я?

Нэсса опустила голову.

— Вы почти не выходили из покоев. После того как милорд запретил вам видеть детей, вы стали другой. Тихой. Иногда плакали. Иногда говорили, что замок хочет вашей смерти.

В груди кольнуло.

Прежняя Элиана.

Бедная, сломанная женщина, которую все сделали виноватой.

— Я была детей? — спросила я прямо.

Нэсса вскинула голову.

— Нет! Никогда. Вы... вы даже не смели к ним подойти. Только однажды леди Мира сама прибежала к вам, но её сразу забрали.

— Кто?

Нэсса молчала.

— Селеста?

Она не ответила.

И этого было достаточно.

За дверью слышались шаги.

Нэсса резко отступила.

— Миледи, я ничего не говорила.

Дверь открылась без стука.

Вошёл Арвен — тот самый старик в серой мантии. За ним стоял стражник.

— Леди Морвейн, — сухо сказал он. — Милорд приказал осмотреть вас.

— Разумеется, — ответила я. — В этом доме, кажется, все приказы милорда выполняются быстрее, чем просьбы детей о помощи.

Арвен посмотрел на меня внимательно.

— Вы очень изменились.

— День был насыщенный.

Он подошёл, взял мою руку, коснулся пальцами запястья. Его ладонь была сухой и холодной.

Кольцо с чёрным камнем снова нагрелось.

Арвен нахмурился.

— Больно?

— Да.

— Странно.

— Что именно?

Он не ответил. Приподнял мою ладонь, рассматривая кольцо.

— Родовая печать не должна отзываться вам.

— Почему?

— Потому что вы не мать наследников.

Слова ударили неприятно.

Не мать.

Конечно.

Я была никем. Ни здесь, ни там.

В моём мире у нас с Ромой не было детей. Сначала мы “жили для себя”, потом “вставали на ноги”, потом он “ещё не был готов”. А я работала с чужими детьми, помогала им переживать страх, разводы, потери — и возвращалась в пустую квартиру, где муж всё чаще задерживался на работе.

А теперь чужая девочка назвала меня мамой.

И весь этот проклятый замок зажёгся.

— А если дети сами выбрали? — спросила я.

Арвен отпустил мою руку.

— Дети не знают, что выбирают.

— Удобная позиция.

— Опасная позиция, леди Морвейн. Детский выбор в дра-

коньём роду — не сказка для нянек. Это древний закон. Если он подтвердится...

Он замолчал.

— Что будет?

Арвен посмотрел на дверь, потом на меня.

— Тогда развод станет невозможен без решения Совета.

Я почти рассмеялась.

— То есть час назад меня хотели выгнать, а теперь не могут, потому что дети сказали одно слово?

— Не одно. Первое.

— Первое?

— Для признания хранительницы рода наследник должен назвать женщину матерью трижды. По своей воле. Без принуждения. При свидетелях или при родовой печати.

Я вспомнила Миру.

“Мама...”

Одно.

— А если трижды? — спросила я.

Арвен побледнел.

— Тогда вы станете для детей законом выше новой жены лорда.

В комнате стало очень тихо.

Теперь я поняла, почему Селеста смотрела на меня с ненавистью.

Не из-за ревности.

Из-за угрозы.

Я мешала.

Вернее, дети мешали ей избавиться от меня.

— Леди Морвейн, — Арвен вдруг понизил голос, — если вы дорожите своей жизнью, подпишите развод и уезжайте.

Я посмотрела на него.

— А дети?

Он отвёл глаза.

Вот и весь ответ.

Снаружи вдруг раздался приглушённый звук. Как будто кто-то быстро пробежал по коридору.

Потом — тихий всхлип.

Я вскочила.

— Мира?

Арвен резко обернулся к двери.

Стражник тоже услышал.

Я уже шла туда.

— Леди, вам нельзя выходить!

— Тогда остановите меня.

Не знаю, что он увидел в моём лице, но стражник замешкался.

Этого хватило.

Я распахнула дверь.

В коридоре было темно. Только синие огоньки горели в настенных чашах. У дальней стены, в тени между двумя колоннами, стояла маленькая фигурка в ночной рубашке.

Мира.

Она прижимала руку к груди и беззвучно плакала.

Я бросилась к ней.

— Мира!

Девочка подняла лицо.

— Я не хотела... я не хотела кричать...

— Тише, маленькая. Что случилось?

Она протянула мне руку.

На тонком запястье алел свежий ожог.

Не обычный.

След был похож на отпечаток женских пальцев.

Пять тёмных полос на детской коже.

У меня внутри всё оборвалось.

— Кто это сделал?

Мира затрясла головой.

— Нельзя говорить.

— Почему?

Она посмотрела за мою спину.

Глаза расширились от ужаса.

Я медленно обернулась.

В конце коридора стояла Селеста.

В белом платье. С мягкой улыбкой. Такая прекрасная, что на миг казалась призраком.

— Ах, вот вы где, малышка, — сказала она нежно. — А я искала вас.

Мира сдавленно всхлипнула и спряталась за меня.

Селеста перевела взгляд на меня.

— Леди Элиана, — произнесла она тихо. — Вам ведь запретили приближаться к детям.

Я закрыла Миру собой.

— А вам, видимо, запретили оставлять на них следы?

Улыбка исчезла.

Всего на секунду.

Но я увидела.

И теперь уже точно знала: эта женщина не просто хочет занять моё место.

Она хочет, чтобы дети замолчали навсегда.

Глава 3. Белая леди

Селеста стояла в конце коридора и улыбалась так нежно, будто перед ней была не я, закрывающая собой дрожащего ребёнка, а раскапризничавшаяся девочка, которую нужно уговорить вернуться в постель.

Белое платье струилось по полу. Волосы сияли в синеватом свете настенных огней. Лицо — мягкое, печальное, почти святое.

Если бы я не видела ожог на руке Миры, возможно, даже поверила бы.

Но я видела.

Пять тёмных полос на тонком детском запястье.

След пальцев.

След взрослой руки.

— Вам ведь запретили приближаться к детям, — повторила Селеста.

Мира всхлипнула у меня за спиной.

Я почувствовала, как её маленькие пальцы вцепились в ткань моего платья. Так сильно, что костяшки, наверное, побелели.

— А вам, видимо, запретили оставлять на них следы? — сказала я.

Селеста замерла.

Всего на миг.

Её улыбка не исчезла, но глаза стали другими. Холодными. Плоскими. Как лёд под тонким слоем снега.

— Следы? — переспросила она. — Леди Элиана, вы снова говорите странные вещи.

— Я говорю о руке Миры.

— Ах. — Она вздохнула и шагнула ближе. — Бедная малышка. У неё бывают приступы внутреннего огня. Лекари объясняли это много раз. Иногда магия драконьей крови выходит через кожу.

— В форме отпечатков пальцев?

Селеста наклонила голову.

— Вы не лекарь.

— Зато я не слепая.

За моей спиной Мира задышала чаще.

— Не надо, — прошептала она. — Не надо с ней говорить.

Эти слова ударили сильнее любого признания.

Селеста услышала. Конечно услышала.

— Мира, дорогая, — позвала она ласково, — иди ко мне.

Ты опять напугана после сна.

Девочка тихо вскрикнула и прижалась ко мне.

Я не двинулась.

— Она не пойдёт.

— Простите? — Селеста моргнула.

— Я сказала: она не пойдёт к вам.

Селеста медленно посмотрела на стражника у двери моих покоев. Тот стоял растерянный, явно не понимая, кому

подчиняться: законной жене лорда, будущей жене лорда или страху перед самим лордом.

— Позовите лорда Морвейна, — сказала она.

Стражник вздрогнул.

— Леди Селеста...

— Сейчас.

Я усмехнулась.

— Прекрасная идея. Пусть он сам посмотрит на руку дочери.

В её взгляде мелькнула досада.

Вот теперь — попала.

Селеста не хотела, чтобы Каэль видел ожог сразу. Или была уверена, что сумеет объяснить. Но в любом случае она боялась не меня.

Она боялась фактов.

Мира вдруг потянула меня за рукав.

— Не надо папу, — прошептала она. — Он не верит.

Сердце сжалось.

Пять лет.

И уже знает: отец не верит.

Я присела перед ней, закрывая нас от Селесты собственным телом.

— Послушай меня, Мира. Я знаю, как страшно говорить, когда взрослые не слушают. Но твоя боль настоящая. Твой страх настоящий. И если кто-то сделал тебе плохо, виновата не ты.

Девочка смотрела на меня огромными глазами.

— Она сказала, что папа рассердится.

— На кого?

Мира дрожала.

— На меня. Если я опять буду плохой.

Я едва удержалась, чтобы не выругаться.

За спиной Селеста тихо произнесла:

— Как трогательно. Вы очень быстро нашли подход к детям, леди Элиана. Особенно для женщины, которая ещё вчера не могла выносить их плача.

Я поднялась.

— Что вы сказали?

— Ничего, кроме правды.

Она подошла ещё на несколько шагов. Теперь нас разделяло не больше двух метров. И впервые её голос стал тише. Так, чтобы слышала я, но не стражник.

— Вам не идёт роль защитницы. Все в этом доме помнят, как вы кричали, когда Мира плакала за стеной. Как просили увести её подальше. Как говорили, что дети первой жены всегда будут стоять между вами и Каэлем.

Я похолодела.

Это были не мои слова.

Но тело отозвалось на них болью.

В памяти Элианы вспыхнуло: закрытая дверь, детский плач, ладони на ушах, бессонница, чьи-то шёпоты: “Она вас ненавидит... они никогда вас не примут... лорд всё равно

любит мёртвую жену...”

Была ли прежняя Элиана жестокой?

Или её медленно довели до безумия?

— Вы лжёте, — сказала я, хотя уверенности в голосе было меньше, чем хотелось.

— Разве? — Селеста улыбнулась. — Спросите слуг. Спросите милорда. Спросите себя, если память снова к вам вернётся.

Мира вдруг вышла из-за моей спины.

Совсем чуть-чуть.

— Она не такая, — сказала девочка.

Голос дрожал, но она говорила.

Селеста перевела на неё взгляд.

— Мира, милая...

— Не милая! — почти крикнула девочка. — Я не ваша!

Коридор вздрогнул от тишины.

Настенные огни вспыхнули ярче.

Селеста побледнела. Потом медленно выпрямилась.

— Дети бывают жестоки, когда ими управляет страх, — сказала она громче. Так, чтобы слышал уже весь коридор. — Леди Элиана, посмотрите, что вы делаете. Вы настраиваете ребёнка против женщины, которая хочет стать ей матерью.

— Матерью нельзя стать приказом.

— А чужой женщине нельзя прятаться за детьми, чтобы сохранить титул.

Я шагнула ближе.

— Мне не нужен титул.

— Конечно, — мягко сказала Селеста. — Вам нужен замок. Деньги. Власть. И, возможно, сам Каэль, который наконец снова посмотрел на вас.

Имя прозвучало слишком интимно.

Каэль.

Не лорд Морвейн.

Каэль.

Снова чужая женщина произносила имя моего мужа так, будто имела на это больше прав, чем я.

И самое страшное — возможно, имела.

Я не успела ответить.

В коридоре раздались быстрые шаги.

Каэль появился из полутьмы без плаща, в расстёгнутом у ворота чёрном камзоле, будто его выдернули прямо из разговора или совета. За ним шёл Арвен, а следом — Риан.

Мальчик был босой, злой и бледный.

— Мира! — Риан бросился к сестре.

Она рванулась к нему, но не отпустила мою руку.

Каэль остановился, охватывая взглядом всех сразу: Селесту, меня, Миру, её руку, Риана.

— Что здесь происходит?

Селеста заговорила первой.

Конечно.

— Каэль, я слышала плач и вышла посмотреть. Мира снова бродила по коридорам. Я хотела отвести её к няне, но

леди Элиана...

— Она её трогала! — выкрикнул Риан.

Все повернулись к нему.

Селеста нахмурилась.

— Риан, ты не должен повторять страшные фантазии сестры.

— Я видел.

Каэль медленно посмотрел на сына.

— Что именно ты видел?

Риан сжал кулаки.

— Она была в комнате Миры.

— Кто?

Мальчик указал на Селесту.

— Она.

Селеста тихо ахнула.

Не возмущённо. Обиженно. Почти ранимо.

— Риан...

— Не говорите со мной так!

Каэль резко произнёс:

— Риан. Спокойно.

— Нет! — Мальчик сорвался. — Вы всегда говорите “спокойно”! Мира плачет — спокойно. Мира болеет — спокойно. Мира говорит, что белая леди приходит ночью, — спокойно! Вы хоть раз спросили её, что она видела?!

Каэль побледнел.

На мгновение в его лице треснула каменная маска.

Передо мной стоял не лорд, не дракон, не мужчина, который бросил мне бумаги о разводе.

Отец.

Испуганный отец, который вдруг понял, что мог не услышать собственных детей.

Но Селеста не дала этому мгновению стать правдой.

— Милорд, — вмешался Арвен, — прежде всего нужно осмотреть ребёнка.

— Да, — быстро сказала Селеста. — Конечно. Арвен подтвердит: это приступ внутреннего огня. Такие следы могли появиться сами.

Я взяла руку Миры и осторожно подняла.

— Сами?

Каэль увидел ожог.

Его глаза изменились.

Золото вспыхнуло так ярко, что я невольно отступила. Воздух стал горячим.

Мира испуганно спряталась за Риана.

Каэль заметил. И это будто ударило его сильнее ожога.

Он медленно опустился на одно колено.

— Мира.

Девочка не вышла.

— Подойди ко мне.

Она замотала головой.

Каэль закрыл глаза на секунду.

Когда открыл, голос стал тише.

— Я не сержусь.

Мира посмотрела на меня. Не на него.

Разрешения просила у меня.

Каэль это увидел.

И в нём что-то болезненно дрогнуло.

Я кивнула девочке.

— Он хочет посмотреть руку. Я рядом.

Только после этого Мира сделала шаг к отцу.

Каэль осторожно взял её ладонь.

Он был огромный рядом с ней. Сильный, опасный, способный одним движением сломать камень. Но сейчас его пальцы касались детской руки так бережно, будто она была из тонкого стекла.

— Кто это сделал? — спросил он.

Мира молчала.

— Доченька.

От этого слова она всхлипнула.

А я вдруг поняла: он редко так её называл. Может быть, почти никогда. Не потому что не любил. Потому что боялся любви, как слабого места.

— Я не могу, — прошептала Мира.

— Почему?

Она дрожала.

— Потому что тогда она придёт снова.

Селеста закрыла лицо рукой.

— Боги... Каэль, ты же понимаешь, это внушение. Ребё-

нок болен. Она повторяет то, что ей сказали.

— Кто ей сказал? — спросила я.

Селеста повернулась ко мне.

— Вы.

— Когда?

— Не знаю. Когда успели. Вы же нашли способ вытащить её из детского крыла.

— Я не вытаскивала её.

— А как она оказалась у ваших покоев?

Я не ответила.

Потому что не знала.

Но Риан ответил за меня.

— Замок привёл.

Арвен резко поднял голову.

— Что?

Риан сглотнул, но продолжил:

— Дверь открылась сама. Та, что была замурована за го-
беленом. Мира плакала, я повёл её подальше от комнаты.
Мы вышли здесь.

Арвен побледнел.

— Замурованная дверь не открывалась тридцать лет.

— Открылась, — упрямо сказал Риан. — Для неё.

Он посмотрел на меня.

Снова это слово повисло между нами.

Для неё.

Каэль медленно поднялся.

— Арвен. Проверь ход.

— Милорд...

— Сейчас.

Старик поклонился и поспешил в темноту коридора.

Селеста шагнула к Каэлю.

— Ты же не веришь этому? Дети напуганы. Они могли перепутать. А Элиана... ты сам знаешь, она отчаянно не хочет терять положение.

Я устала.

От её голоса. От её мягкости. От её умения превращать детский страх в женские интриги.

— Леди Селеста, — сказала я, — почему вы были в комнате Миры ночью?

— Я не была.

— Риан видел.

— Ребёнок мог ошибиться.

— Мира боится вас.

— Потому что вы её напугали.

— Ожог на её руке похож на след вашей ладони.

— Осторожнее, — тихо сказала она.

Вот теперь голос стал настоящим.

Не нежным. Не белым. Острым.

Каэль повернулся к ней.

— Селеста.

Она тут же опустила глаза.

— Простите, милорд. Просто я не могу спокойно слушать

такие обвинения. Я пришла в этот дом с открытым сердцем. Я хотела помочь вашим детям. А теперь женщина, которая годами была равнодушна к ним, выставляет меня чудовищем.

Риан резко вдохнул.

— Она не была равнодушна.

Все снова посмотрели на него.

Мальчик сам будто удивился своим словам, но отступить не стал.

— Её не пускали.

Слова упали тяжело.

Каэль нахмурился.

— Что значит “не пускали”?

Риан посмотрел на меня. Потом на отца.

— Она приходила. К дверям детского крыла. Несколько раз. Няньки говорили, что вы запретили.

Каэль медленно перевёл взгляд на Селесту.

— Я не отдавал такого приказа.

Тишина.

Слишком длинная.

Селеста побледнела, но быстро взяла себя в руки.

— Возможно, распоряжение исходило от управляющего. После приступов Миры все боялись...

— Я не отдавал такого приказа, — повторил Каэль.

Уже тише.

И страшнее.

Впервые за всё время Селеста не нашлась сразу.
Я почувствовала, как в груди разгорается злость.
Не моя даже. Чужая. Элианина.
Её не пускали.

Она стояла под дверью, слушала плач детей, верила, что они ненавидят её. А детям говорили, что она не хочет их видеть.

Нас всех развели по разным углам. Как сломанные фигурки.

И в центре стояла женщина в белом.

Каэль резко сказал:

— Все в детское крыло. Сейчас.

— Милорд, — начала Селеста.

— Все, — повторил он.

Мы пошли по коридору.

Мира держала меня за руку. Риан шёл рядом с сестрой. Каэль впереди, но всё время оглядывался — на детей, на меня, на Селесту. Его уверенность дала трещину, и он злился на эту трещину почти больше, чем на возможную ложь.

Детское крыло оказалось за тяжёлыми дверями с вырезанными драконами. Когда мы подошли, створки дрогнули.

Сами.

Стражники у дверей испуганно отступили.

— Открыть, — приказал Каэль.

— Милорд... они уже...

Двери распахнулись без прикосновения.

Внутри пахло травами, дымом и чем-то кислым. Болезненным.

Комната Миры была маленькой только по меркам замка. Кровать под светлым пологом. Игрушечный дракон на подушке. Книжки на низкой полке. У окна — кресло, в котором, наверное, сидела няня.

Я сразу увидела: здесь ребёнку не было спокойно.

Слишком много защитных знаков на стенах. Слишком много склянок у кровати. Слишком плотно задёрнуты шторы. Слишком тяжёлый запах снотворных трав.

— Кто давал ей это? — спросила я, подходя к столику.

Селеста ответила мгновенно:

— Лекари. Чтобы она спала без кошмаров.

Я взяла одну склянку.

— А она спала?

Мира тихо сказала:

— Я не могла проснуться.

Я закрыла глаза на секунду.

Сколько раз я слышала похожее от детей в своём мире? Не про магические настои, конечно. Про таблетки, молчание, запертые двери, взрослых, которым проще сделать ребёнка тихим, чем услышать.

— Больше это ей не давать, — сказала я.

Каэль резко повернулся.

— Ты не лекарь.

— Нет. Но я вижу, что ребёнка не лечили. Её выключали.

Он побледнел от злости.

— Следи за словами.

— Следила. Поэтому сказала мягко.

Селеста шагнула к столику.

— Каэль, нельзя позволять ей распоряжаться лечением.

Она не понимает драконью кровь.

— Зато она понимает страх, — вдруг сказал Риан.

Он стоял у двери, маленький, худой, но упрямый до дрожи.

— Когда Мира кричит, все говорят про кровь. Про огонь. Про род. А она просто боится.

Каэль молчал.

И это молчание было уже не прежним. В нём появилась вина.

Арвен вернулся через несколько минут. Лицо у него было серым.

— Милорд, ход действительно открыт.

— Куда ведёт?

Старик сглотнул.

— В старое крыло первой леди Морвейн.

Каэль резко обернулся.

— Это невозможно. Оно запечатано после смерти Лиары.

Лиара.

Первая жена.

Мать детей.

Мира тихо всхлипнула.

Я присела рядом с ней.

— Ты знаешь это имя?

Девочка кивнула.

— Моя мама.

Каэль закрыл глаза.

Риан вдруг сказал:

— Мама говорила, что если станет страшно, замок приведёт нас к той, кто услышит.

Селеста очень медленно повернула голову.

— Риан, твоя мать умерла, когда Мира была младенцем. Ты не можешь помнить такие слова.

— Могу, — сказал он. — Я помню всё, что вы хотели бы, чтобы я забыл.

Воздух стал тяжёлым.

Каэль подошёл к сыну.

— Риан...

Мальчик отступил.

Всего на шаг.

Но Каэль остановился так, будто этот шаг ударил его в грудь.

— Почему ты молчал? — спросил он хрипло.

Риан посмотрел на него снизу вверх.

— Потому что вы выбрали её.

Селеста побледнела.

Я увидела, как Каэль сжал кулаки. Как боль, ярость и вина смешались в нём в нечто опасное.

Но в эту секунду Мира вдруг вскрикнула.

Я обернулась.

На стене над её кроватью проступали тёмные линии. Сначала слабые, как тени. Потом всё ярче.

Слова.

Я не знала языка — и понимала его.

“Белая ложь гасит детский огонь”.

Арвен отшатнулся.

— Родовая надпись...

Селеста сделала шаг назад.

— Это она, — резко сказала она, указывая на меня. — Это её магия! Она вмешалась в печати!

Я смотрела на надпись, и сердце стучало где-то в горле.

Каэль повернулся ко мне.

— Элиана?

Я покачала головой.

— Я не знаю, как это делать.

И это была правда.

Но замок, кажется, знал.

Вдруг Мира отпустила мою руку, подошла к стене и коснулась букв пальцами.

— Мама писала так, — прошептала она.

Каэль побелел.

— Мира...

Девочка повернулась к нему.

— Мама говорила: белой леди нельзя верить.

Селеста резко выдохнула:

— Довольно!

Голос её сорвался.

Не сильно. Но маска треснула.

Все слышали.

Она тут же прикрыла рот ладонью.

— Простите. Я... я просто не могу больше видеть, как дети мучают себя воспоминаниями.

Я посмотрела на неё.

— Нет. Вы не можете видеть, как они начинают говорить.

Каэль медленно повернул голову ко мне.

Наши взгляды встретились.

Впервые в его глазах не было чистого презрения.

Там был вопрос.

Опасный. Тяжёлый.

“А если она права?”

И Селеста тоже это поняла.

Она шагнула к Мире.

— Дорогая, иди ко мне. Я помогу тебе успокоиться.

Девочка отпрянула.

Но Селеста всё равно протянула руку.

Быстро.

Слишком быстро.

Я перехватила её запястье.

Кожа у неё была ледяной.

На миг под моими пальцами словно шевельнулся пепел.

Селеста посмотрела мне в глаза.

И тихо, так тихо, что услышала только я, сказала:

— Зря вы встали между мной и детьми.

Я сжала её руку сильнее.

— А вы зря решили, что я отступлю.

Её губы изогнулись.

— Вы ещё даже не знаете, кем были до сегодняшнего дня,

Элиана.

— Возможно.

Я отпустила её руку.

— Зато я уже знаю, кем не стану.

— И кем же?

Я встала между ней и Мирой.

— Женщиной, которая молчит, когда ребёнку больно.

Каэль смотрел на нас.

И впервые не приказал мне отойти.

Селеста поняла это тоже.

Она выпрямилась, повернулась к нему и сказала уже другим голосом — тихим, дрожащим, беззащитным:

— Каэль, если ты позволишь ей и дальше унижать меня, я уеду до церемонии признания.

Это был удар.

Не по мне.

По нему.

Каэль застыл.

Селеста продолжила:

— Я пришла в твой дом не для того, чтобы бороться с женщиной, которая цепляется за прошлое. Совет ждёт нашего решения. Север ждёт стабильности. Твоим детям нужна мать, которую признает закон, а не испуганный замок.

Я увидела, как Каэль снова закрывается.

Долг. Закон. Совет. Север.

Слова-цепи.

Он посмотрел на детей. На меня. На Селесту.

И я поняла: он всё ещё может выбрать её.

Даже после ожога.

Даже после надписи.

Даже после страха Миры.

Не потому что не видит.

А потому что признать правду — значит признать, что он сам привёл опасность к детям.

Каэль произнёс глухо:

— Элиана вернётся в свои покои.

Мира всхлипнула.

— Нет...

Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

— Вы серьёзно? — спросила я.

Он не смотрел на меня.

— До решения Совета ты не будешь оставаться с детьми одна.

— А она? — Я указала на Селесту.

Тишина.

Слишком длинная.

И в этой тишине я получила ответ.

Я кивнула.

— Понятно.

Каэль наконец посмотрел на меня.

— Это временно.

— Конечно. Удобное слово.

— Элиана...

— Нет, милорд. Не надо. Вы снова выбираете её. Просто теперь делаете это медленнее.

Он вздрогнул.

Селеста опустила глаза, пряча победу.

Я подошла к Мире, присела и обняла её.

— Послушай меня. Я рядом. Даже если не в этой комнате. Даже если за дверью. Ты меня поняла?

Мира плакала.

— Не уходите.

— Я постараюсь вернуться.

Риан стоял рядом, белый от злости.

— Вы обещали, что уйдёте только когда мы будем в безопасности.

— Я помню.

— Тогда не уходите.

Я посмотрела на Каэля.

— Я не по своей воле.

Эти слова попали туда, куда нужно.

Но он всё равно молчал.

Стражники проводили меня обратно.

У дверей я обернулась.

Мира стояла у кровати, прижимая к груди игрушечного дракона. Риан держал её за плечи. Каэль смотрел на них так, будто впервые видел, насколько они маленькие.

А Селеста смотрела на меня.

И улыбалась.

Едва заметно.

Когда дверь моих покоев закрылась, я осталась одна.

Почти.

Потому что через несколько секунд ткань на зеркале дрогнула.

Я медленно повернулась.

Покрывало сползло само.

В зеркале отражалась не я.

Там стояла женщина с серебряными волосами и уставшими глазами.

Элиана.

Настоящая Элиана Морвейн.

Её губы шевельнулись.

Сначала я не слышала.

Потом стекло покрылось инеем, и на нём проступили слова:

“Найди письмо Лиары. И не дай ей стать матерью моих детей.”

Я замерла.

Моих детей.

Не детей Каэля.

Не детей первой жены.

Моих.

А в коридоре за дверью вдруг раздался детский крик.

Мира.

Я бросилась к двери и дёрнула ручку.

Заперто.

Крик повторился.

И следом — голос Селесты, тихий, ласковый, почти поющий:

— Не бойся, малышка. Скоро ты забудешь её.

Я ударила ладонями в дверь.

— Каэль! Откройте!

Никто не ответил.

Только кольцо на моём пальце вспыхнуло болью.

И из глубины замка, из самых стен, донёсся низкий, древний шёпот:

“Хозяйка, прикажи.”

Глава 4. Хозяйка, прикажи

— Хозяйка, прикажи.

Голос шёл не из коридора.

Не из комнаты.

Он шёл из стен.

Из чёрного камня, из трещин под потолком, из пола под моими босыми ногами. Низкий, древний, гулкий, словно сам замок проснулся после долгого сна и теперь смотрел на меня тысячей невидимых глаз.

Я застыла у двери, всё ещё прижимая ладони к холодному дереву.

За дверью кричала Мира.

Не долго. Не громко.

Но этого было достаточно, чтобы во мне что-то сорвалось.

Я ударила в дверь кулаком.

— Откройте! Немедленно!

Снаружи молчали.

Только где-то далеко раздался торопливый топот. Потом — приглушённый мужской голос. Потом снова детский плач, оборвавшийся так резко, будто ребёнку зажали рот.

У меня перед глазами потемнело.

— Нет, — прошептала я. — Нет, нет, нет...

Кольцо на пальце обожгло кожу.

“Хозяйка, прикажи.”

Я посмотрела на него.

Чёрный камень внутри перстня больше не был чёрным. В его глубине горел крошечный золотой огонь, похожий на глаз.

— Я не знаю, как, — выдохнула я.

Стены ответили едва слышным гулом.

“Скажи.”

Я сглотнула.

Это было безумие.

Я стояла в чужом теле, в чужом замке, перед запертой дверью, слышала голос камней и должна была поверить, что могу приказывать древней крепости.

Но в коридоре плакала девочка.

Пятилетняя девочка с ожогом на руке.

И если безумие было единственным способом добраться до неё — я выбирала безумие.

Я прижала ладонь к двери.

— Открой.

Ничего.

Только боль в кольце стала сильнее.

Я зажмурилась, вспоминая, как Мира вцепилась в моё платье. Как Риан сказал: “Вы уйдёте только тогда, когда мы будем в безопасности”. Как Каэль снова выбрал не верить до конца.

Нет.

Не так.

Не просьба.

Приказ.

Я выпрямилась, чувствуя, как дрожат колени.

— Я сказала: открой.

По двери пробежала золотая трещина.

Замок вздохнул.

Щеколда с той стороны щёлкнула сама.

Я распахнула дверь.

Стражник, стоявший в коридоре, отшатнулся так резко, что едва не упал.

— Миледи... как вы...

Я не стала отвечать.

Я уже бежала.

Коридор сам зажигал огни передо мной. Синие чаши вспыхивали золотым пламенем, тени отступали, каменные плиты под ногами становились теплее, будто замок прокладывал мне путь.

— Леди Морвейн! — крикнул стражник позади. — Вам запрещено!

— Жалуйтесь замку! — бросила я через плечо.

Я не знала дороги в детское крыло.

Но замок знал.

Передо мной открылась узкая дверь, которой раньше не было. За ней оказалась винтовая лестница. Я подхватила тяжёлый подол и побежала вниз, потом вверх, потом по длинному переходу с окнами, за которыми метался снег.

Каждый шаг отдавался в груди одним словом.

Успеть.

Успеть.

Успеть.

Когда я выскочила в знакомый коридор у детского крыла, там уже были люди.

Слуги. Две няни. Стража. Арвен. Каэль.

Он стоял у распахнутой двери комнаты Миры, и впервые я увидела его не холодным.

А испуганным.

По-настоящему.

— Что случилось? — выдохнула я.

Он резко повернулся ко мне.

— Почему ты здесь?

— Я спросила, что случилось!

Наши голоса столкнулись в коридоре, как два клинка.

Арвен выглянул из комнаты. Лицо у него было бледное.

— У леди Миры приступ.

— Какой приступ?

Каэль шагнул, преграждая мне путь.

— Тебе нельзя сюда.

Я остановилась прямо перед ним.

— Отойдите.

— Нет.

Из комнаты донёсся слабый всхлип.

Мой голос стал тише.

— Каэль, отойдите.

Он вздрогнул.

Не из-за приказа.

Из-за имени.

Я впервые назвала его так.

Не милорд. Не лорд Морвейн.

Каэль.

Он смотрел на меня несколько долгих секунд, и в его золотых глазах боролись ярость, подозрение и что-то совсем человеческое.

— Если ты причастна...

— Если бы я была причастна, я бы не ломилась сюда через весь замок.

— Дверь твоих покоев была заперта.

— Теперь нет.

Его взгляд метнулся к коридору, к стенам, к золотым огням, которые всё ещё горели ярче обычного.

— Замок выпустил тебя?

— Нет, милорд. Я его очень вежливо попросила.

Сейчас было не время для язвительности, но иначе я бы закричала.

Каэль сжал челюсть.

— Ты не понимаешь, с чем играешь.

— Зато я понимаю, когда ребёнку нужна помощь.

Он не отступил.

Тогда из комнаты раздался голос Риана:

— Пустите её!

Мальчик появился на пороге. Лицо белое, глаза красные.

— Отец, пустите её! Мира зовёт не вас!

Каэль будто получил удар.

Я видела, как боль прошла по его лицу. Быстро, почти незаметно. Но она была.

Он медленно отступил.

Я вошла.

Комната Миры была в полумраке. Воздух густой от трав, дыма и жара. На кровати металась маленькая девочка. Волосы прилипли ко лбу, губы дрожали. На коже проступали золотые и чёрные пятна, словно под ней боролись огонь и пепел.

Селеста сидела рядом.

Её белое платье было безупречно. Ладонь лежала на одежде возле руки Миры. Слишком близко.

Я остановилась.

— Отойдите от неё.

Селеста подняла голову.

— Леди Элиана, вы не имеете права...

— Отойдите.

Каэль вошёл следом.

— Селеста?

Она повернулась к нему, и лицо её стало страдающим.

— Я пыталась помочь. Она кричала, я слышала первой. Я дала успокаивающий настой, но приступ усилился. Воз-

можно, из-за того, что ребёнок был взволнован после сцены с леди Элианой.

Конечно.

Снова я.

Я подошла к кровати.

Мира открыла глаза. Мутные от боли, полные слёз.

— Ма... — она захлебнулась воздухом.

Каэль резко шагнул ближе.

— Мира.

Но девочка смотрела не на него.

На меня.

— Мама...

В комнате что-то вспыхнуло.

Кольцо на моём пальце отозвалось болью.

Два.

Второй раз.

Селеста побелела так резко, что даже слой её безупречной выдержки не помог.

Арвен прошептал:

— Родовая печать слышала...

Каэль смотрел на дочь, будто не мог решить, что страшнее: её боль или это слово.

Я села на край кровати.

— Я здесь, маленькая. Я здесь.

— Больно, — прошептала Мира. — Внутри огонь... чёрный...

Я положила ладонь ей на лоб.

Жар.

Но не обычный. Под кожей будто пульсировало нечто чужое, липкое, тёмное.

— Что вы ей дали? — спросила я, не оборачиваясь.

Селеста ответила с обидой:

— Настояй лунной вербены. Его всегда дают при приступах.

— Где чашка?

Молчание.

Я подняла голову.

— Где чашка, из которой она пила?

Няня у окна испуганно показала на столик.

Я взяла маленькую фарфоровую чашу. На дне оставалось несколько капель серебристой жидкости. Пахло сладко. Слишком сладко.

Я поднесла её к Арвену.

— Проверьте.

Селеста резко встала.

— Это оскорбительно.

— Правда обычно оскорбляет тех, кому есть что скрывать.

— Каэль! — Она повернулась к нему. — Ты позволишь ей обвинять меня при слугах?

Каэль молчал.

И это молчание было первым маленьким предательством

уже не меня, а Селесты.

Она это поняла.

— Каэль, — повторила она тише. — Я пыталась помочь твоей дочери.

Он смотрел на чашку в руках Арвена.

— Проверь.

Селеста застыла.

Арвен опустил в чашу тонкий серебряный стержень. На конце вспыхнул слабый голубой огонь. Потом он почернел.

Старик резко побледнел.

— Милорд...

— Говори, — приказал Каэль.

— В настое есть пепельная примесь.

В комнате стало так тихо, что я слышала собственное дыхание.

— Что это значит? — спросила я.

Арвен не смотрел на Селесту. Только на Каэля.

— Для взрослого дракона — слабость, сон, временная потеря магии. Для ребёнка... особенно с нестабильным огнём...

— Говори, — повторил Каэль, и в его голосе уже было рычание.

— Это яд.

Мира застонала.

Риан бросился к кровати.

— Я говорил! Я говорил вам!

Каэль не двигался.

Только воздух вокруг него стал горячим до боли. На стенах затрещал иней. Где-то в глубине замка глухо зарычало.

Он медленно повернулся к Селесте.

— Кто дал тебе настой?

Она сделала шаг назад.

— Няня. Я взяла его со столика.

— Ложь! — выкрикнул Риан. — Вы принесли его с собой!

— Риан, ты напуган...

— Не смейте говорить моё имя!

Каэль поднял руку, и все замолчали.

— Селеста. Ответь.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Ты веришь им? Детям, которые болеют? Элиане, которая ненавидит меня? Старому магу, который мог ошибиться?

Арвен оскорблённо выпрямился.

— Я не ошибся.

— Все ошибаются, — бросила она. — Особенно когда на них давит родовая магия, проснувшаяся непонятно из-за чего.

Её взгляд метнулся ко мне.

Вот оно.

Новая линия защиты.

Не “я невиновна”, а “это Элиана всё исказила”.

Каэль сделал шаг к ней.

— Ты принесла настой?

Селеста молчала.

На одно мгновение я подумала, что он сейчас увидит. Наконец увидит всё.

Но Мира выгнулась на кровати и закричала.

Я бросила чашку и схватила её за плечи.

— Мира! Слышишь меня? Смотри на меня!

Её глаза закатились. На маленьких ладонях вспыхнули чёрные прожилки.

— Арвен!

Старик кинулся к сумке.

— Нужно охладить огонь. Но пепельная примесь уже вошла в кровь. Нужен родовой проводник.

— Кто?

Он посмотрел на Каэля.

— Отец.

Каэль сразу подошёл к кровати.

— Что делать?

— Дайте ей свой огонь. Чистый. Медленно. Не силой.

Каэль положил ладонь на грудь дочери.

Мира закричала ещё громче.

Не от облегчения.

От ужаса.

— Нет! Нет! Не надо! Горит!

Каэль отдёргнул руку, будто его ударили.

— Почему?

Арвен растерянно побледнел.

— Не понимаю...

Я поняла.

Не умом — кожей.

Мира боялась не отца. Она боялась мужского драконьего огня, потому что кто-то использовал похожую силу, чтобы причинить боль. Может быть, не такую мощную. Может, искажённую. Но для ребёнка всё слилось.

Я взяла её ладонь.

Кольцо вспыхнуло.

Чёрные прожилки на руке Миры дрогнули.

Арвен резко повернулся ко мне.

— Леди...

— Что?

— Печать отвечает вам.

Каэль посмотрел на мою руку.

— Нет.

Одно слово.

Жёсткое. Отрицающее.

Не потому что он не хотел спасти дочь.

Потому что не мог принять, что спасти её может именно я.

— У нас нет времени на вашу гордость, — сказала я.

— Это не гордость. Ты не знаешь, как управлять огнём.

— Зато она не кричит от моего прикосновения.

Мира действительно перестала кричать. Она плакала,

дрожала, но держалась за мои пальцы.

— Мама, — прошептала она в бреду. — Не уходи...

Три.

Слово прозвучало так тихо, что, казалось, его мог не услышать никто.

Но замок услышал.

Окна вспыхнули золотом.

Стены ответили низким гулом.

Кольцо на моём пальце перестало жечь. Боль сменилась жаром — сильным, но не мучительным. Он потёк по руке, через ладонь, к Мире.

Арвен опустился на колени.

— Хранительница...

Селеста отшатнулась.

— Нет.

Это было сказано не вслух почти. Не для нас. Для самой себя.

— Нет, — повторила она. — Этого не может быть.

Каэль смотрел на меня так, словно земля ушла из-под его ног.

— Мира, — прошептала я, стараясь не думать о том, что происходит. — Дыши со мной. Медленно. Вдох. Выдох. Смотри на меня.

— Больно...

— Знаю. Сейчас станет легче.

Я не знала.

Но почему-то сила знала.

Золотой жар из кольца стал мягче. Он проходил через мои пальцы, обволакивал руку Миры, вытягивал из её кожи чёрные прожилки. Девочка вздрагивала, плакала, но уже не металась.

Каэль стоял рядом, сжав кулаки.

Я почувствовала его взгляд.

Он хотел помочь.

И не знал как.

Впервые этот мужчина был бесполезен в собственном доме.

— Сядьте рядом, — сказала я, не поднимая головы.

— Что?

— Она боится вашего огня, но не вас. Говорите с ней.

Он замер.

— Я...

— Говорите, Каэль. Не приказывайте. Не требуйте. Просто говорите.

Он медленно опустился на край кровати с другой стороны.

Такой огромный рядом с маленькой дочерью. Такой сильный и такой растерянный.

— Мира, — хрипло сказал он. — Я здесь.

Девочка всхлипнула.

— Папа?

Он закрыл глаза.

Слово ударило в него почти физически.

— Да, маленькая. Папа здесь.

— Не отдавай меня...

— Не отдам.

— Ей...

Каэль открыл глаза.

Посмотрел на Селесту.

Та стояла у стены, белая, застывшая, с лицом оскорблённой святости. Но я видела её пальцы. Они сжимались и разжимались.

— Никому, — сказал Каэль, глядя уже на дочь. — Я не отдам тебя никому, кто причинит тебе боль.

Мира выдохнула.

Чёрные прожилки на её коже стали бледнеть.

Риан тихо заплакал.

Он отвернулся, будто стыдился слёз, но я видела, как дрожат его плечи.

— Риан, — сказала я.

Он вздрогнул.

— Иди сюда.

Он подошёл не сразу. Сначала посмотрел на отца. Тот кивнул.

Мальчик сел у изножья кровати, взял сестру за вторую руку.

— Я здесь, Мира, — сказал он. — Я же говорил, она придёт.

Мира слабо улыбнулась.

— Мама пришла...

Каэль вздрогнул.

Я тоже.

Теперь это слово уже не было случайностью. Не было бредом. Не было испугом.

Оно стало выбором.

И замок принял его.

Свет вспыхнул так ярко, что Селеста вскрикнула и закрыла лицо рукой. По стенам побежали руны, золотые, живые, древние. Они собирались вокруг кровати, вокруг детей, вокруг меня.

Арвен прошептал:

— Закон исполнен.

Каэль поднял взгляд.

— Что это значит?

Старик медленно встал.

— Леди Элиана признана хранительницей наследников рода Морвейн.

Тишина.

Потом Селеста рассмеялась.

Коротко. Неверяще.

— Какая глупость. Она не мать им. Она не родила их. Она даже не знает ваших законов.

Арвен посмотрел на неё уже без прежней осторожности.

— Драконья кровь выбирает не только по рождению.

— Замолчите, — прошипела она.

И снова все услышали.

Каэль медленно поднялся.

— Селеста.

Она тут же изменилась. В глазах появились слёзы.

— Прости. Я... это слишком. Меня обвиняют, унижают, а теперь ещё называют чужую женщину матерью детей, которых я хотела полюбить.

Риан вскинул голову.

— Вы нас не любите.

— Риан...

— Вы хотите, чтобы мы молчали.

— Довольно! — резко сказала она.

Мира вздрогнула.

Каэль сделал шаг между Селестой и кроватью.

— Не повышай голос на моих детей.

Селеста застыла.

Это был первый раз, когда он выбрал их против неё.

Маленький шаг.

Но я видела, как сильно он дался.

— Каэль, — прошептала она, — ты не можешь всерьёз...

— Сейчас я могу только одно. Разобраться, кто принёс яд моей дочери.

Её лицо стало бледнее.

— Ты обвиняешь меня?

— Я задаю вопрос.

— Нет. — Она отступила. — Нет, я не позволю. Я не какая-то служанка, чтобы меня допрашивали в детской комнате. Я дочь рода Арвель. Твоя истинная пара.

Слова “истинная пара” будто ударили по воздуху.

Каэль помрачнел.

— Тогда тебе нечего бояться.

Селеста вскинула подбородок.

— Ошибаешься. Мне есть чего бояться. Не я принесла хаос в этот дом. До её пробуждения замок молчал. Дети были больны, но под контролем. Ты был готов к союзу, который спас бы Север. А теперь что? Твоя бывшая жена очнулась другой, замок сходит с ума, дети называют её матерью, и все сразу забыли, кем она была?

Она повернулась ко мне.

— Расскажите ему, леди Элиана. Расскажите, как вы ненавидели их мать. Как разбили портрет Лиары. Как говорили, что дети должны исчезнуть из вашей жизни.

Я похолодела.

Риан резко посмотрел на меня.

Каэль тоже.

Даже Мира на кровати приоткрыла глаза.

Селеста улыбнулась сквозь слёзы.

— Что, не помните? Удобно. А я помню. Все помнят.

В чужой памяти вспыхнуло зеркало. Женщина с серебряными волосами, бледная, с безумными глазами. Осколки рамы. Портрет красивой темноволосой леди на полу. Чей-то

голос за спиной: “Он никогда не полюбит вас, пока её лицо висит в доме”.

Я пошатнулась.

Нет.

Не сейчас.

Селеста увидела и ударила сильнее:

— Вы хотите отдать детей ей? Женщине, которая завидовала мёртвой матери?

Риан отстранился.

Едва заметно.

Но я почувствовала, как его доверие качнулось.

Боль оказалась неожиданно острой.

— Я не знаю, что сделала прежняя Элиана, — сказала я тихо.

Каэль нахмурился.

— Прежняя?

Ошибка.

Слишком резкая.

Но отступить было поздно.

— Я не помню всего, — исправилась я. — Но знаю одно: сейчас я не причиню им вреда.

Селеста рассмеялась мягко.

— Слова. Всего лишь слова.

— Да, — сказала я. — Поэтому смотрите на поступки.

Я подняла чашку с остатками яда.

— Начнём с ваших.

Селеста резко выпрямилась.

— Я не обязана терпеть это.

Она повернулась к Каэлю:

— Выбирай. Или ты сейчас при всех признаёшь, что доверяешь мне, своей истинной, или я покину Морвейн до церемонии. И тогда Совет узнает, что ты позволил подозрениям безумной жены разрушить союз.

Каэль молчал.

Снова этот выбор.

Снова он, она и я.

Только теперь на кровати лежала его дочь, отравленная чьей-то рукой.

Я ждала.

Сама не понимала зачем.

Может быть, хотела увидеть, способен ли он хотя бы сейчас не ошибиться.

Каэль медленно повернулся к Селесте.

— Ты покинешь детское крыло.

Она моргнула.

— Что?

— До окончания расследования ты не подойдёшь к детям.

— Каэль...

— Это приказ лорда Морвейна.

Селеста побледнела.

На миг в её лице мелькнула такая злоба, что даже Каэль увидел.

Потом она снова стала прекрасной.

— Как пожелаешь, милорд.

Она поклонилась.

И уходя, остановилась рядом со мной.

— Вы выиграли одну ночь, — прошептала она. — Не войну.

Я ответила так же тихо:

— А вы проиграли право притворяться доброй.

Её глаза вспыхнули.

Но она ушла.

Когда дверь закрылась, в комнате будто стало легче дышать.

Мира уснула. Жар спадал. Арвен тихо давал указания няням убрать все настои и принести чистую воду.

Риан сидел у кровати, не отпуская руку сестры.

Каэль стоял у окна.

Спиной ко всем.

Очень прямой.

Очень одинокий.

Я поднялась. Сил почти не осталось. После того, что произошло, меня шатало, пальцы дрожали, кольцо стало тяжёлым, как цепь.

— Леди, — Арвен подхватил меня под локоть. — Вам нужно сесть.

— Мне нужно понять, что теперь будет.

Каэль обернулся.

Наши взгляды встретились.

В его глазах больше не было прежнего презрения.

Но доверия тоже не было.

Там было гораздо хуже.

Вина.

И страх перед тем, что за этой виной потянется правда.

— Теперь, — сказал он медленно, — ты останешься в детском крыле.

Риан резко поднял голову.

— Правда?

Каэль посмотрел на сына.

— Да.

Мальчик сглотнул.

— И белая леди не придёт?

Каэль сжал челюсть.

— Нет.

— Вы обещаете?

Вопрос повис в комнате.

Отец и сын смотрели друг на друга через годы молчания, приказов и невысказанных страхов.

Каэль опустил перед ним на одно колено.

— Обещаю.

Риан смотрел долго. Слишком долго для ребёнка.

Потом кивнул.

Не простил.

Но слышал.

Я тихо выдохнула.

Каэль поднялся и повернулся ко мне.

— Но если я узнаю, что всё это игра...

Я устало посмотрела на него.

— Вы правда сейчас хотите закончить эту ночь угрозой?

Он замолчал.

Потом медленно провёл рукой по лицу.

Жест был неожиданно человеческим.

— Я не знаю, чем её закончить.

В этой фразе было столько усталости, что я впервые увидела: он тоже на грани. Но его грань была опасна для всех вокруг.

— Начните с простого, — сказала я.

— С чего?

Я посмотрела на спящую Миру. На Риана, который всё ещё не отпускал её руку. На чашку с ядом.

— Поверьте своим детям.

Каэль ничего не ответил.

Но опустил взгляд.

И это было больше, чем я ожидала.

Позже, когда Миру переодели, комнату проветрили, а все подозрительные склянки унесли, мне выделили кресло рядом с кроватью. Не покои. Не свободу. Но и не арест.

Риан устроился на ковре у камина, завернувшись в плед.

— Вам неудобно, — сказал он вдруг.

— Мне бывало хуже.

— В том месте, откуда вы пришли?

Я замерла.

Мальчик смотрел на огонь.

Не на меня.

— Почему ты так сказал?

Он пожал плечом.

— Вы смотрите на всё так, будто видите впервые. И говорите не как она.

— Как кто?

— Как леди Элиана.

Я молчала.

Риан повернул голову.

— Она умерла?

Вопрос был тихий.

Страшный.

Слишком точный.

Я не знала, что ответить ребёнку, который видел больше, чем взрослые хотели.

— Я не знаю, — сказала честно.

Он кивнул, будто ожидал именно этого.

— Она плакала под нашей дверью.

Сердце болезненно сжалось.

— Ты слышал?

— Да. Я думал, она притворяется. А потом... потом она перестала приходить.

Он снова посмотрел на огонь.

— Если вы не она, значит, она всё-таки не бросила нас.
Просто не смогла вернуться.

Я закрыла глаза.

Где-то глубоко, в чужом теле, отозвалась такая боль, что на миг стало трудно дышать.

— Риан...

— Не говорите отцу, что я знаю.

— Почему?

Он усмехнулся. Горько, совсем не по-детски.

— Он всё равно не поверит сразу. Ему нужно, чтобы правда сначала ударила его по голове.

Я невольно улыбнулась.

— Ты очень умный.

— Я очень злой.

— Иногда это почти одно и то же, если взрослые долго не слушают.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Вы правда останетесь?

Я посмотрела на спящую Миру.

На свои руки.

На кольцо.

На дверь, за которой замер замок, будто ждал моего ответа.

— Да, — сказала я. — Останусь.

— Даже если отец снова выберет её?

Боль кольнула неожиданно.

Роман. Лика. Каэль. Селеста.

Два мира, одна и та же рана.

Я медленно выдохнула.

— Я остаюсь не из-за вашего отца.

Риан чуть расслабился.

— Тогда хорошо.

— Почему?

Он закрыл глаза.

— Потому что мужчины часто выбирают неправильно.

Я не нашлась, что ответить.

В эту ночь я не спала.

Мира дышала ровно. Риан задремал у камина. За окнами кружил снег. Замок тихо гудел, словно огромный зверь, лёгший у дверей детской.

А ближе к рассвету на стене напротив кровати вновь проступили золотые буквы.

“Письмо Лиары спрятано там, где первая мать отдала последний огонь.”

Я встала.

Кольцо на пальце потеплело.

За моей спиной тихо прозвучал голос Каэля:

— Что это значит?

Я обернулась.

Он стоял в дверях.

Без камзола. Уставший. Бледный. С глазами человека, который тоже не спал.

Я посмотрела на надпись.

Потом на него.

— Думаю, милорд, ваша мёртвая жена хочет наконец рассказать нам правду.

Каэль побледнел.

А замок, будто соглашаясь со мной, открыл в стене тайную дверь.

Глава 5. Письмо первой матери

Тайная дверь открылась без звука.

Ещё секунду назад на стене напротив кровати Миры были только золотые буквы, мерцающие в полумраке детской. А теперь камень разошёлся, словно живой, обнажив узкий проход, из которого пахнуло холодом, пылью и сухими травами.

Каэль стоял в дверях комнаты и смотрел на этот проход так, будто перед ним открылась не стена, а могила.

Может, так и было.

— Это невозможно, — сказал он.

Я уже слышала от него эти слова. Кажется, с момента моего появления в этом мире невозможного становилось всё больше.

— Замок другого мнения, — ответила я.

На стене всё ещё горела надпись:

“Письмо Лиары спрятано там, где первая мать отдала последний огонь.”

Каэль медленно вошёл в комнату. Мира спала на кровати, бледная, с тонкой ладошкой под щекой. Риан задремал у камина, но от звука шагов сразу открыл глаза.

Он увидел проход и сел.

— Это мама открыла? — спросил он тихо.

Каэль вздрогнул.

Одно слово. Мама.

Для Миры теперь оно тянулось ко мне. Для Риана — всё ещё к женщине, которую он потерял.

И между этими двумя “мамами” стоял Каэль — мужчина, который, похоже, не сумел сохранить ни одну.

— Не знаю, — сказал он сыну.

Риан поднялся, откинув плед.

— Я пойду с вами.

— Нет.

Ответ прозвучал мгновенно. Жёстко.

Риан тут же выпрямился.

— Это была моя мать.

— Поэтому ты останешься с сестрой.

— Вы опять решаете за меня?

Каэль сжал челюсть.

— Риан.

— Нет, отец. — Мальчик шагнул к нам, босой, бледный, упрямый. — Когда мама умерла, вы сказали, что я слишком мал, чтобы знать правду. Когда Мира начала болеть, вы сказали, что я слишком мал, чтобы понимать. Когда я говорил про белую леди, вы сказали, что я слишком мал, чтобы отличить сон от яви. Сколько ещё мне нужно вырасти, чтобы вы наконец услышали меня?

Каэль побледнел.

В комнате стало тихо. Даже огонь в камине будто притих.

Я увидела, как его пальцы сжались. Не от злости. От бес-

помощности.

С этим мужчиной было сложно. Он умел командовать армиями, держать замок, пугать советников и, наверное, сжигать врагов одним взглядом. Но перед собственным сыном он терялся, потому что здесь нельзя было приказать любви вернуться в строй.

— Ты прав, — сказал он наконец.

Риан моргнул.

Кажется, он ожидал чего угодно. Приказа. Запрета. Окрика.

Но не этого.

Каэль опустился перед ним на одно колено.

Он делал это уже второй раз за ночь, и оба раза это выглядело для него почти мучительно.

— Я не слышал тебя, — произнёс он. — И это моя вина.

Лицо Риана дрогнуло.

Но мальчик не бросился к нему. Не простил. Не смягчился.

Он только спросил:

— Тогда я пойду?

Каэль закрыл глаза на секунду.

— Нет.

Риан резко отвернулся.

— Значит, ничего не изменилось.

— Изменилось. — Каэль поднялся. — Поэтому я объясняю, а не приказываю. Селеста всё ещё в замке. Мы не знаем,

кто ей помогает. Мы не знаем, что в этом проходе. И пока Мира слаба, я не оставлю её без тебя.

Риан молчал.

— Ты её щит, — сказал Каэль тише. — Лучше меня. Лучше стражи. Она верит тебе. Мне нужно, чтобы ты остался с ней.

Мальчик медленно повернулся.

Он хотел злиться. Я видела. Очень хотел. Но отец впервые не оттолкнул его приказом, а дал ему значение. Доверил не слабость, а ответственность.

— Я останусь, — сказал Риан. — Но вы принесёте письмо мне.

— Да.

— И не спрячете правду.

Каэль посмотрел на сына долго.

— Не спрячу.

Риан перевёл взгляд на меня.

— А вы?

Я чуть мягче улыбнулась.

— Я вообще плохо умею прятать правду. Обычно из-за этого у меня проблемы.

— Уже заметил, — сухо сказал он.

И в этом почти детском замечании впервые мелькнуло что-то живое.

Я кивнула ему и повернулась к проходу.

Каэль остановил меня жестом.

— Я пойду первым.

— Боишься, что меня съест стена?

— Боюсь, что она знает тебя лучше, чем я.

Я хотела ответить колко, но промолчала.

Потому что в его голосе не было насмешки. Только усталая, тяжёлая правда.

Он действительно боялся.

Не меня. Не замка.

Того, что его собственный дом выбрал женщину, которую он собирался выгнать.

Мы вошли в проход.

Стена сомкнулась за нами, отрезав детскую комнату, и я едва не запаниковала. Внутри было узко, темно, воздух пах старым камнем, воском и высохшей лавандой. Но стоило мне коснуться стены, как вдоль пола вспыхнули тонкие золотые линии.

— Он вас слушается, — сказал Каэль.

— Похоже.

— Почему?

— Я надеялась, вы мне объясните.

Он усмехнулся без радости.

— Если бы вчера кто-то сказал мне, что замок Морвейн откроет сердце женщине, которую он десять лет не признавал, я бы счёл это изменой рода.

— Десять лет? — Я остановилась. — Элиана была вашей женой десять лет?

Каэль тоже остановился.

— Восемь.

Восемь лет.

Восемь лет в доме, где её не любили. Где её не пускали к детям. Где другая женщина медленно становилась нужнее.

— И вы всё это время считали её виноватой?

— Я считал её... — Он замолчал.

— Какой?

Каэль не ответил сразу.

Свет от стен резал его лицо на тень и золото. Так было легче понять, насколько он устал. Под глазами залегли тени. На щеке — тонкая царапина, которой раньше не было. Может быть, после ночной тревоги. Может быть, после того, как он провёл рукой по лицу слишком резко.

— Чужой, — сказал он наконец.

Слово было тихим, но тяжёлым.

— Она была чужой в моём доме. Её прислали по договору. После смерти Лиары Совет требовал нового союза. Риану нужен был статус наследника, Мире — защита материнского рода. Элиана была дочерью сильной семьи. Брак казался разумным.

— Разумным, — повторила я.

— Да.

— Любимое слово мужчин, которые ломают чужую жизнь красиво оформленными документами.

Он посмотрел на меня.

— Ты говоришь так, будто знаешь это не по моим воспоминаниям.

Я замерла.

Слишком близко.

Слишком опасно.

— Любая женщина это знает, милорд.

— Каэль.

Теперь уже я посмотрела на него.

— Что?

— В этом проходе нас двое. И я не уверен, что титулы защитят хоть кого-то из нас. Зови меня Каэль.

Я сжала пальцы.

В другом мире Роман тоже просил говорить “спокойно”. Здесь дракон просил назвать его по имени. Разница вроде огромная, а рана отзывалась одинаково.

— Хорошо, Каэль.

Он чуть заметно кивнул и пошёл дальше.

Проход вывел нас к маленькой винтовой лестнице. Ступени уходили вниз. Чем ниже мы спускались, тем сильнее пахло лавандой. Не свежей — старой, запечатанной в письмах, платьях, воспоминаниях.

— Лиара любила лаванду? — спросила я.

Каэль остановился так резко, что я почти налетела на него.

— Откуда ты знаешь?

— Запах.

Он отвернулся.

— Да. Она говорила, что лаванда успокаивает драконов лучше цепей.

В его голосе появилась такая мягкость, что я вдруг увидела её — Лиару. Женщину, которую он любил. Настоящую жену. Настоящую мать его детей. Ту, с которой Элиана всегда проигрывала, даже мёртвой.

— Вы любили её, — сказала я.

Каэль не ответил.

Но молчание было честнее ответа.

Мы спустились в круглую комнату без окон.

Я ожидала склеп.

Но это была детская.

Старая, заброшенная, но всё ещё тёплая по ощущению. Низкая колыбель у стены. Полка с деревянными игрушками. Маленький столик, на котором лежали высохшие краски. На кресле — серый плед. У камина — коврик с вышитыми драконами.

И портрет над камином.

Темноволосая женщина с мягкими глазами держала на руках младенца. Рядом стоял маленький мальчик лет трёх. Его упрямая складка между бровями была такой знакомой, что сердце защемило.

Риан.

А младенец — Мира.

Лиара смотрела с портрета прямо на нас. Не строго. Не печально.

Предупреждающе.

Каэль не двигался.

Я услышала, как изменилось его дыхание.

— Ты здесь не был после её смерти? — спросила я тихо.

— Комнату запечатали.

— Кто?

Он медленно повернулся ко мне.

И по его лицу я поняла: впервые этот вопрос прозвучал для него иначе.

Не “почему запечатали”.

А “кто захотел, чтобы ты сюда не вошёл”.

— Совет, — сказал он. — Арвен подтвердил, что печати нужны, чтобы сохранить остаток её огня. Селеста... — Он осёкся.

— Селеста что?

Каэль сжал руку на спинке кресла. Дерево хрустнуло.

— Сказала, что мне будет легче, если я перестану приходить туда, где всё напоминает о ней.

Я не стала говорить, насколько это удобно.

Он и сам понял.

— Где первая мать отдала последний огонь, — произнесла я, оглядываясь.

Кольцо на пальце потеплело.

Золотая линия протянулась от моей руки к камину. Не к огню — камин был пуст. К каменной плите перед ним.

Я подошла и присела.

На плите был вырезан крошечный дракон, свернувшийся кольцом вокруг цветка лаванды.

— Здесь.

Каэль подошёл, опустился рядом и нажал на знак.

Ничего не произошло.

Я положила ладонь рядом.

Камень щёлкнул.

Тайник открылся.

Каэль резко выдохнул.

Внутри лежала металлическая шкатулка. Потемневшая от времени, но целая. На крышке — тот же дракон и лаванда.

Он взял её.

Но шкатулка не открылась.

— Печать крови, — сказал он.

— Ваша?

— Должна быть моя.

Он провёл большим пальцем по острому краю застёжки. На коже выступила капля крови. Упала на замок.

Ничего.

Каэль побледнел.

— Почему...

Я уже знала.

Не разумом.

Замок.

— Потому что это не вам.

Шкатулка в его руках вдруг нагрелась, вспыхнула золотом

и сама скользнула ко мне, будто её подтолкнула невидимая ладонь.

Каэль смотрел на неё так, словно его снова предали.

Только теперь — мёртвая жена.

— Лиара оставила письмо не мне, — сказал он.

В его голосе было столько боли, что я почти пожалела его.

Почти.

— Возможно, она боялась, что вы не услышите.

Он поднял глаза.

— Ты тоже так думаешь?

— Я думаю, ваш сын сказал правду. Иногда правда должна ударить вас по голове, чтобы вы заметили.

Каэль горько усмехнулся.

— Жестоко.

— Зато честно.

Я коснулась шкатулки.

Замок открылся.

Внутри лежало письмо, перевязанное синей лентой, и маленький медальон с треснувшим прозрачным камнем. На письме было написано:

“Той, кого выберут мои дети.”

У меня перехватило дыхание.

Каэль прочитал надпись и отвернулся.

Секунда. Всего секунда. Но я увидела, как он закрыл глаза.

— Читайте, — сказал он.

— Это письмо не вам.

— Именно поэтому прочитай вслух.

Я развязала ленту.

Бумага была тонкой, пожелтевшей, но буквы оставались чёткими. Как только я посмотрела на них, незнакомый язык снова стал понятным.

“Если ты читаешь это, значит, мои дети живы. Значит, замок не ошибся. Значит, я всё-таки успела оставить им путь к спасению.

Прости меня, незнакомка. Я не знаю твоего имени. Не знаю, будешь ли ты доброй, сильной, испуганной или сломанной. Но если мои дети называли тебя матерью, я доверяю их выбору больше, чем законам Совета и клятвам мужчин.

Береги Риана. Он будет казаться колючим, но он просто слишком рано понял, что любовь можно потерять.

Береги Миру. Её огонь особенный. Не золотой, как у Морвейнов. Бело-золотой. Древний. Такой огонь рождается раз в тысячу лет.

Именно из-за неё я умерла.”

Голос у меня дрогнул.

Каэль стал неподвижен.

— Продолжай, — сказал он хрипло.

Я сглотнула и читала дальше.

“В доме есть предатель. Не один. Я не успела узнать всех. Но я узнала главное: они хотят не убить детей сразу. Они хотят ослабить их, заставить Каэля поверить, что дети больны,

а затем привести в замок женщину, которая станет ложной матерью и получит доступ к их крови.

Она придёт в белом.

Она будет говорить мягко.

Она будет знать, какие слова нужны мужчине, который скорбит, и детям, которых никто не слушает.

Не верь ей.

Не позволяй ей касаться Миры.

Пепельная магия оставляет след не на коже, а в огне. Лекари будут видеть болезнь. Отец будет видеть капризы. Совет будет видеть угрозу. Только мать увидит страх.”

Я остановилась.

В комнате стало холодно.

Каэль стоял у камина, опершись рукой о каменную полку. Его лицо было белым.

— Она знала, — произнёс он.

Не вопрос.

Приговор самому себе.

— Да.

— А я не знал.

Я молчала.

Он резко повернулся.

— Почему она не сказала мне?

Вопрос был почти криком.

Но адресован не мне. Портрету. Пустой комнате. Мёртвой женщине.

— Почему, Лиара? Почему ты не сказала мне?

Я медленно опустила письмо.

— Может, говорила.

Он посмотрел на меня так, будто я ударила.

— Что?

— Может, она говорила. А вы не слышали.

— Я бы услышал.

— Как слышали Риана? Как слышали Миру?

Его лицо изменилось.

Гнев вспыхнул мгновенно.

— Осторожнее.

— Нет. — Я поднялась. — Давайте хотя бы здесь без этого. Без “осторожнее”, без приказов, без вашего драконьего величия. Ваша мёртвая жена оставила письмо чужой женщине, потому что не верила, что вы заметите опасность вовремя. Ваши дети месяцы говорили о белой леди, а вы списывали всё на болезнь. Элиана стояла под дверью детского крыла, но её не пускали якобы по вашему приказу. И теперь вы спрашиваете, почему вам не сказали?

Он шагнул ко мне.

— Ты ничего не знаешь о том, что было между мной и Лиарой.

— Возможно. Но я знаю, что сейчас между вами и вашими детьми. Стена. И эту стену строила не только Селеста.

Он замер.

Моё сердце колотилось бешено. Я понимала, что перегну-

ла. Что он может вспыхнуть. Что в этом мире мужчины с золотыми глазами, наверное, не любят, когда им говорят правду в лицо.

Но Каэль не вспыхнул.

Он отвернулся.

И очень тихо сказал:

— Я был на границе, когда Мира впервые заболела. Когда вернулся, мне сказали, что Элиана довела её до приступа. Она отрицала. Селеста плакала. Няни клялись. Арвен подтвердил, что магия ребёнка сорвана. А Мира... Мира молчала.

Он сжал кулаки.

— Я посмотрел на Элиану и увидел женщину, которая ненавидит всё, что осталось от Лиары. Мне было легко поверить.

Слова “легко поверить” прозвучали страшнее признания. Я дочитала письмо не сразу.

Мы оба должны были выдержать паузу.

Потом я снова подняла лист.

“Если Каэль рядом, не спеши верить его гневу. Он будет ошибаться. Он будет груб. Он будет выбирать долг там, где нужно выбрать сердце. Но он любит детей. Просто страх делает драконов глухими.

Не отдай Миру Совету.

Не отдай Риана одиночеству.

И если однажды Каэль попросит прощения — смотри не

на его слова, а на то, что он готов потерять ради правды.

Медальон откроет место, где я спрятала последнее доказательство.

Но он оживёт только в руках той, кого дети назовут матерью.

Лиара Морвейн.

Первая мать огня.”

Письмо закончилось.

Я опустила руки.

Каэль долго молчал.

Потом спросил:

— Что за доказательство?

Я взяла медальон.

Треснувший камень внутри был холодным. Но стоило сжать его в ладони, как он наполнился мутным светом. Внутри проступила картинка.

Не чёткая. Как отражение в воде.

Женщина в белом стоит у детской колыбели.

Не Селеста — лицо скрыто капюшоном. Но рука... тонкая, белая, с кольцом в форме пепельной змеи.

Она склоняется над младенцем.

И шепчет:

— Спи, маленькая искра. Когда ты ослабнешь, твой отец сам отдаст тебя мне.

Картинка исчезла.

Каэль медленно выдохнул.

— Кольцо.

— Вы знаете его?

— Дом Арвель. Их древний знак — пепельная змея.

— Селеста.

Он не ответил.

Я резко повернулась к нему.

— Не молчите. Только не сейчас.

— Это было до её появления в замке.

— Она могла приходить раньше.

— Лиара бы сказала.

— Вы опять? — Я почти рассмеялась от отчаяния. — У вас в руках письмо, где она говорит, что не успела!

Каэль поднял на меня глаза.

И в них впервые была не ярость.

Боль.

Голая, страшная, почти детская.

— Если это правда, — сказал он, — значит, я пустил убийцу моей жены к моим детям.

Я не ответила.

Потому что да.

И он это понял.

Каэль вдруг ударил кулаком в каменную стену. Комната вздрогнула. С полки посыпалась пыль. На костяшках его пальцев выступила кровь.

— Я должен был видеть!

— Да, — сказала я тихо.

Он посмотрел на меня.

— Ты могла бы сказать “нет”.

— Могла бы. Но это была бы ложь.

Он странно усмехнулся.

— Ты жестокая женщина, Элиана.

— Нет. Просто я больше не удобная.

Эти слова вырвались сами.

Из моей жизни. Из той квартиры. Из спальни, где Роман сказал, что рядом со мной спокойно и удобно.

Каэль слышал в них больше, чем я хотела.

— Кто сделал тебя такой? — спросил он.

Я сжала письмо.

— Это неважно.

— Важно.

— Не для ваших детей.

Он хотел что-то сказать, но не успел.

Стены комнаты резко потемнели.

Золотые линии погасли.

Портрет Лиары над камином дрогнул, и по его поверхности пошла чёрная рябь.

Каэль резко обернулся.

— Что происходит?

Из прохода донёсся далёкий крик.

Риан.

— Мира! — крикнул мальчик где-то наверху.

Мы бросились к лестнице.

Но проход перед нами начал закрываться.

Камень двигался, сжимаясь, будто кто-то приказал замку похоронить нас внутри.

— Замок! — крикнула я. — Открой!

Ответа не было.

Только холод.

И тихий женский смех, просочившийся сквозь стены.

Селеста.

— Она блокирует печать, — сказал Каэль.

Он схватил меня за руку и потянул назад.

— Что вы делаете?

— Если замок не откроет проход для тебя, я пробью его сам.

— Здесь камень!

— Я дракон.

В его голосе впервые прозвучало не высокомерие.

А обещание.

Он встал перед закрывающейся стеной. Кожа на его руках покрылась золотыми линиями, глаза вспыхнули, воздух вокруг раскалился.

— Отойди.

Я отступила.

Каэль ударил в камень.

Комнату сотрясло.

Ещё раз.

И ещё.

На третьем ударе стена треснула.

Но вместе с этим портрет Лиары вспыхнул белым огнём, и её голос — тихий, женский, усталый — прозвучал в комнате:
— Не силой, Каэль. Ты всё ещё не понял.

Он застыл.

Я тоже.

Голос продолжил:

— Огонь открывает двери. Но только доверие выводит детей из тьмы.

Каэль медленно повернулся ко мне.

На его лице была растерянность человека, которому мёртвая жена сказала то, что живая не успела.

— Что это значит? — спросил он.

Сверху снова донёсся крик Риана.

Я подошла к стене и протянула Каэлю руку.

— Думаю, значит, что вам придётся довериться мне.

Он посмотрел на мою ладонь.

Времени не было.

Там, наверху, дети снова были в опасности.

Каэль вложил свою окровавленную руку в мою.

Кольцо вспыхнуло.

Камень перед нами распахнулся.

И в тот же миг мы слышали голос Селесты — уже не ласковый, не белый, а настоящий, злой и ледяной:

— Поздно. Девочка сделала свой третий выбор. Теперь я сделаю свой.

Каэль побледнел.

Я сжала его руку.

— Бежим.

И впервые драконий лорд не приказал.

Он побежал рядом со мной.

Глава 6. Третий выбор

Мы бежали по живому замку.

Иначе это было не назвать.

Стены раздвигались перед нами, открывая проходы, которых не было секунду назад. Лестницы вспыхивали золотыми линиями под ногами. Двери распахивались сами, как будто древняя крепость наконец решила, на чьей она стороне.

Каэль всё ещё держал меня за руку.

Крепко.

Его ладонь была горячее, шероховатой от свежей крови. Моя — ледяной. Между пальцами пульсировало кольцо, и каждый его удар отдавался где-то в груди.

Наверху снова вскрикнул Риан.

— Быстрее! — выдохнула я.

— Я несу тебя.

— Что?

Он даже не стал повторять.

В следующую секунду Каэль подхватил меня на руки так легко, будто я ничего не весила, и рванул вперёд.

Воздух ударил в лицо. Коридоры смазались. Чёрный камень, золото огней, тени, двери — всё слилось в одно бешеное движение.

Я вцепилась в его плечи.

— Предупреждать надо!

— Некогда.

— Это не повод хватать меня как мешок!

Даже сейчас, среди страха, он коротко посмотрел на меня.

— Ты споришь, когда моим детям угрожает опасность?

— Я спорю всегда, когда меня хватают без спроса!

На его лице мелькнуло что-то странное. Почти улыбка.

Почти. Но тут же исчезло, когда из детского крыла донёлся новый звук.

Не крик.

Рёв.

Низкий, детский, сорванный.

Риан.

Каэль поставил меня на ноги у дверей детского крыла. Тяжёлые створки были распахнуты настежь. Стражники лежали у стен. Живые — я увидела, как один шевельнул рукой, — но без сознания.

Внутри пахло пеплом.

И сладкими духами Селесты.

— Риан! — крикнул Каэль.

Ответа не было.

Мы ворвались в комнату Миры.

Первое, что я увидела, — пустая кровать.

Второе — Риана.

Мальчик стоял посреди комнаты, раскинув руки, будто хотел закрыть собой весь мир. Вокруг него дрожало тонкое кольцо золотого огня. Слабое, неровное, но настоящее. На

щеке у него была кровь. Глаза полыхали.

Перед ним стояла Селеста.

У неё больше не было мягкой улыбки.

Белое платье потемнело по подолу, словно его коснулась сажа. Волосы растрепались, но это не делало её слабее. Наоборот. Теперь в ней проступило то, что всё это время пряталось под кружевом и нежностью.

Холодная, злая сила.

В её руках была Мира.

Девочка висела почти безвольно, прижатая к груди Селесты. Глаза полузакрыты, губы бледные. На запястьях тлели чёрные следы.

— Отпусти её, — сказал Каэль.

Голос был тихим.

Страшным.

Селеста медленно повернула голову.

— Наконец-то.

— Я сказал: отпусти мою дочь.

— Твою? — Она усмехнулась. — Какая трогательная внезапная отцовская нежность. Где же она была все эти месяцы, Каэль?

Он сделал шаг.

Селеста подняла руку, и вокруг Миры вспыхнула тёмная дымка.

— Ещё шаг — и её огонь погаснет.

Каэль остановился.

Я почувствовала, как в нём рванулся дракон. Не видела, но ощутила кожей: жар, давление, желание разорвать врага на части. Но он не мог.

Мира была у неё.

Риан дрожал, но не опускал рук.

— Я не пустил её, — сказал он, не глядя на нас. — Я пытался.

— Ты молодец, — сказала я сразу. — Риан, ты большой молодец.

Его губы дрогнули.

Селеста рассмеялась.

— Как мило. Новая мама хвалит маленького героя. Только герой скоро поймёт, что детский огонёк ничего не стоит против настоящей магии.

— У вас нет настоящей магии, — сказал Риан. — У вас пепел.

Её лицо исказилось.

— Замолчи.

— Нет.

Огонь вокруг мальчика вспыхнул ярче.

— Риан, — предупредила я тихо. — Береги силы.

— Она заберёт Миру.

— Не заберёт.

— Вы обещаете?

Селеста улыбнулась.

— Обещания. Как же быстро ты научилась раздавать их,

Элиана. Интересно, ты так же обещала прежней себе, что станешь любимой женой? И что вышло?

Я не отвела взгляда.

— Вышло, что я стою здесь, а вы прячетесь за ребёнком.

Улыбка сползла.

— Острый язык не спасёт девочку.

— А ваша ложь больше не спасёт вас.

Каэль шагнул чуть вперёд.

— Зачем тебе Мира?

Селеста посмотрела на него, и на мгновение в её лице мелькнуло настоящее раздражение.

— Ты правда всё ещё не понял? Даже письмо мёртвой жены не помогло?

Он замер.

— Откуда ты знаешь о письме?

Она улыбнулась.

— Замок старый, Каэль. В нём слишком много щелей. Слишком много теней. Слишком много слуг, которые хотят жить.

— Кто тебе помогает?

— О, теперь ты задаёшь правильные вопросы. Поздно, но всё же.

Мира тихо застонала.

Я сделала шаг, не думая.

Селеста сжала её сильнее.

— Не подходи, хранительница.

Слово она выплюнула с ненавистью.

Я остановилась.

Кольцо на пальце горело. Замок молчал, но это было не бессилие. Скорее ожидание.

“Хозяйка, прикажи.”

Но приказывать, когда у врага на руках ребёнок, было страшно.

Одно неверное слово — и Мира пострадает.

— Вы хотели стать матерью детей, — сказала я. — Зачем? Ради власти над родом?

— Ради того, что мне принадлежит.

— Дети вам не принадлежат.

— Не дети. Огонь.

Её глаза вспыхнули серым.

— Ты даже не понимаешь, что держишь в руках, попаданка.

Слово ударило так, будто она дала мне пощёчину.

Каэль резко повернул голову ко мне.

Риан тоже.

Я застыла.

Селеста увидела и рассмеялась тише.

— Ах, ты не сказала ему? Как неловко. Лорд Морвейн, ваша жена — вовсе не ваша жена. В этом теле чужая душа. И замок выбрал её не потому, что она достойна, а потому что прежняя Элиана была слишком сломана, чтобы сопротивляться.

Каэль смотрел на меня.

В его взгляде было всё: недоверие, потрясение, ярость, боль. И вопрос.

Тот самый, которого я боялась с первой минуты.

Кто ты?

Я могла солгать.

Могла сказать, что Селеста выдумывает. Что это пепельная магия, провокация, попытка отвлечь.

Но Риан смотрел на меня.

Он уже почти догадался.

И дети слышат ложь лучше взрослых.

— Это правда, — сказала я.

Каэль побледнел.

— Что именно?

— Я не Элиана. Не та, которую вы знали.

Тишина стала острой.

Даже Селеста на мгновение замолчала, будто не ожидала, что я признаюсь.

— Кто ты? — спросил Каэль.

— Марина. Марина Орлова.

Имя из моего мира прозвучало в драконьем замке странно. Тонко. Почти беспомощно.

— Я не знаю, как оказалась здесь. В своём мире я... — Я запнулась. Перед глазами мелькнул дождь, фары, Роман, Лица в моей простыне. — Я умерла. Или почти умерла. А потом очнулась в этом теле.

Каэль не двигался.

— И ты скрыла это.

— Я сама не понимала, что происходит!

— Ты позволила моим детям назвать тебя матерью.

Эти слова ранили.

Потому что за ними стояло не только обвинение.

Страх.

— Я не заставляла их.

— Но ты не остановила.

— Потому что ваша дочь умирала от яда! — сорвалась я. — Потому что ваш сын стоял один против женщины, которой вы доверяли больше, чем им! Потому что если бы я остановила Миру ради вашего спокойствия, она могла бы не пережить эту ночь!

Каэль вздрогнул.

Селеста тихо хлопнула в ладони.

— Прекрасно. Просто прекрасно. Семейная ссора в самый подходящий момент.

— Замолчи, — сказал Каэль.

Она подняла брови.

— Мне? Ты говоришь это мне?

— Да.

Голос его был всё таким же тихим, но теперь в нём было железо.

— Ты пришла в мой дом. Травила мою дочь. Пугала моего сына. Лгала мне о моей жене. О мёртвой жене. О детях.

И сейчас держишь Миру как щит. Так что да, Селеста. За-молчи.

Она смотрела на него несколько секунд.

Потом улыбнулась.

— Наконец-то дракон проснулся. Жаль, что слишком поздно.

Она подняла свободную руку. На её пальце вспыхнуло кольцо в форме пепельной змеи — то самое, что я видела в медальоне Лиары.

Каэль сделал шаг, но вокруг него мгновенно поднялась серая пелена.

Он ударил по ней огнём.

Пелена дрогнула, но не исчезла.

— Пепельная клетка, — прошептал Арвен откуда-то у дверей.

Я обернулась. Старик стоял, держась за косяк. Видимо, очнулся после удара или добрался позже нас. Лицо у него было серым.

— Её нельзя пробить силой, милорд!

Каэль ударил снова.

Стены задрожали.

— Каэль, нет! — крикнула я. — Лиара сказала: не силой!

Он застыл.

Всего на секунду.

Но услышал.

Селеста раздражённо повела плечом.

— Как трогательно. Мёртвая жена, новая душа и глупый дракон, который вдруг решил слушать женщин.

— Что вам нужно? — спросила я.

Она посмотрела на меня.

— Очень просто. Девочка.

— Нет.

— Тогда мальчик тоже подойдёт, но её огонь сильнее.

Риан зарычал.

Его детский огонь стал ярче, но я видела, как ему больно. Он ещё не мог держать пламя долго.

— Риан, не трать силы, — сказала я.

— Я не отдам её!

— И не отдашь. Но слушай меня.

Он метнул на меня взгляд.

— Вы правда из другого мира?

— Да.

— Но вы не врёте про Миру?

— Нет.

— И не уйдёте?

У меня сжалось горло.

Каэль смотрел на меня сквозь серую клетку.

Селеста ждала.

А я поняла: вот он, настоящий выбор. Не магический. Не родовой.

Мой.

В прошлой жизни я ушла из квартиры, потому что больше

не могла быть удобной. В этой могла уйти из чужой семьи, потому что формально не была никому обязана.

Но Мира тихо плакала в руках Селесты.

Риан стоял между страхом и огнём.

И замок ждал приказа.

— Не уйду, — сказала я. — Пока вы оба не будете в безопасности.

Риан кивнул.

Будто этого было достаточно.

И вдруг сделал то, чего я не ожидала.

Он опустил руки.

Огненное кольцо вокруг него погасло.

— Риан! — рявкнул Каэль.

Мальчик не отступил. Он посмотрел прямо на Селесту.

— Вы хотели, чтобы мы боялись. А мы больше не будем.

Селеста прищурилась.

— Какая храбрая речь.

— Это не речь.

Риан повернулся ко мне.

— Хозяйка должна приказать, да?

Я замерла.

— Риан...

— Замок слушает вас. Но он защищает нас. Значит, мы должны просить вместе.

Мира слабо подняла голову.

— Мама...

Селеста сжала её плечо.

— Молчи!

И вот тогда что-то во мне оборвалось.

Не страх.

Последняя осторожность.

Я протянула руку к Риану.

— Ко мне.

Он бросился вперёд.

Селеста подняла руку, но Каэль ударил по серой клетке не огнём — ладонью. Кровь с его пальцев вспыхнула золотым, и на мгновение пепельная пелена дрогнула, сбив прицел Селесты.

Риан успел добежать.

Я схватила его ладонь.

Вторая моя рука потянулась к Мире.

— Замок Морвейн, — сказала я.

Стены ответили гулом.

Селеста резко попятилась.

— Не смей.

Я не смотрела на неё.

Я смотрела на Миру.

— Ты слышишь меня, маленькая?

Она едва кивнула.

— Скажи замку, чего ты хочешь.

— Я... — Мира закашлялась.

Селеста зажала ей рот.

Каэль зарычал.

Не по-человечески.

Пелена вокруг него покрылась трещинами.

Но я подняла руку.

— Не силой!

Он остановился.

Это было невероятно. Невозможно.

Дракон, готовый разорвать врага, остановился по моему слову.

Я снова посмотрела на Миру.

— Не голосом, малышка. Сердцем.

Мира закрыла глаза.

Селеста вдруг вскрикнула.

Не от удара.

От страха.

Потому что стены вокруг нас начали двигаться.

Не рушиться. Не давить.

Они раскрывались.

За спиной Селесты исчезла дверь. Под её ногами золотыми линиями вспыхнул круг. Чёрный камень поднялся тонкими дугами, отсекая её от выхода.

— Нет! — Она попыталась шагнуть, но пол будто удерживал её. — Нет, это мой ритуал! Мой!

Мира выскользнула из её рук.

Я не поняла, как. Только что девочка была прижата к Селесте — и вдруг замок словно вытолкнул её из тёмных объ-

ятий прямо ко мне.

Я рухнула на колени и поймала её.

— Мира!

Девочка обвила мою шею руками.

Слишком слабо. Но жива.

— Мама, — прошептала она.

Я прижала её к себе.

— Я здесь.

Риан обнял нас обоих. Его плечи дрожали.

— Я знал, — прошептал он. — Я знал, что вы придёте.

Серая клетка вокруг Каэля рассыпалась.

Он шагнул к нам — и остановился.

Не приблизился сразу.

Смотрел на детей, которые держались за меня, и на его лицо было столько боли, что я почти не выдержала.

Он хотел обнять их.

Но боялся, что они отпрянут.

— Мира, — сказал он тихо.

Девочка повернула голову.

— Папа...

Каэль опустился на колени.

— Можно?

Один вопрос.

Не приказ.

Не требование.

Мира посмотрела на меня.

Я кивнула.

Она протянула к нему руку.

Каэль взял её ладонь и прижал к губам. Закрыв глаза. Плечи его дрогнули, будто он выдерживал удар.

— Прости, — прошептал он. — Прости меня, маленькая.

Мира тихо всхлипнула.

— Вы мне не верили.

— Знаю.

— Было страшно.

— Знаю.

— Нет, — сказала она вдруг с детской жестокостью правды. — Не знаете.

Каэль замер.

Потом медленно кивнул.

— Не знаю. Но хочу узнать. Если ты позволишь.

Риан отвернулся, но я увидела, как он сжал губы, чтобы не заплакать.

Селеста рассмеялась из золотого круга.

Смех был сорванный. Ядовитый.

— Какое умилительное воссоединение. Вы правда думаете, что победили? Замок признал её, дети выбрали, дракон раскаялся — и сказка закончилась?

Каэль поднялся.

Теперь он смотрел на неё без остатка прежней слепоты.

— Кто тебе помогает?

Селеста выпрямилась. Золотые дуги удерживали её, но

страха в ней уже почти не было. Только злоба.

— Те, кто понимает: твои дети опасны.

— Для кого?

— Для трона. Для Совета. Для всех, кто не хочет возвращения древнего огня.

Арвен, стоявший у двери, прошептал:

— Бело-золотой огонь Миры...

— Не только Миры, — перебила Селеста.

Она посмотрела на Риана.

Мальчик застыл.

— Мальчишка тоже не прост. Просто его огонь заперт страхом. Очень удобно, кстати. Нужно было только убедить его, что взрослым нельзя верить.

Каэль медленно повернул голову к сыну.

Риан стоял белый как полотно.

— Вы сделали это специально, — сказал он.

— Я помогла тебе увидеть правду, маленький наследник.

Взрослым действительно нельзя верить.

— Вам — нельзя.

Селеста улыбнулась.

— Мне уже неважно, веришь ты или нет. Выбор сделан.

Третий раз прозвучал. Хранительница пробуждена. Теперь Совет придёт за всеми вами.

Каэль шагнул к ней.

— Ты ответишь за всё.

— Перед кем? Перед тобой? — Она рассмеялась. — Ты

месяцы смотрел и не видел. Совет решит, что ты не способен защитить род. А если узнает, что в тело твоей жены вселилась чужая душа...

Он резко посмотрел на меня.

Вот оно.

То, о чём она не даст забыть.

Я была чужой.

Даже если дети выбрали меня. Даже если замок слушался. Даже если я держала Миру на руках и чувствовала, как её сердце бьётся у моей груди.

Я всё равно была чужой душой в теле женщины, которую эти люди знали восемь лет.

— Она спасла мою дочь, — сказал Каэль.

Тихо.

Но так, что Селеста замолчала.

Я подняла на него взгляд.

Он смотрел не на неё.

На меня.

— Кто бы она ни была, этой ночью она спасла моих детей.

Слова почему-то ударили сильнее, чем все его прежние обвинения.

Не доверием ещё.

Но началом.

Селеста скривилась.

— Какая благородная благодарность. Посмотрим, хватит ли её, когда Совет спросит: где настоящая Элиана?

Я не успела ответить.

Потому что золотой круг под ногами Селесты вдруг начал темнеть.

Арвен вскрикнул:

— Милорд, она ломает печать!

Селеста подняла руку с кольцом-змеёй.

— Я не собиралась уходить пустой.

Пепельная вспышка ударила по комнате.

Каэль закрыл нас собой. Риан прижал Миру ко мне. Я почувствовала жар драконьего огня и холод пепла одновременно.

Когда дым рассеялся, Селеста исчезла.

На полу остался только обугленный след в форме змеи.

И белый лоскут ткани.

Каэль выругался так, что Арвен побледнел.

— Закрывать замок! — рявкнул он. — Все ворота, все башни, все переходы! Найти её!

Стражники, пришедшие в себя у дверей, бросились выполнять приказ.

Я попыталась подняться, но ноги не держали. Каэль заметил и шагнул ко мне.

На этот раз не схватил.

Протянул руку.

— Можно?

Я посмотрела на его ладонь.

На мужчину, который несколько часов назад бросил мне

развод под ноги.

На дракона, который не верил своим детям.

На отца, который впервые спросил разрешения.

— Можно, — сказала я.

Он помог мне подняться.

Мира не отпускала мою шею.

— Я не хочу к няням, — прошептала она.

Каэль тихо сказал:

— Не пойдёшь.

— И к белой леди?

Его лицо стало жёстким.

— Никогда.

Риан смотрел на него с недоверием.

— Вы опять обещаете.

Каэль повернулся к сыну.

— Да.

— А если Совет прикажет?

— Совет не отец вам.

— А если ваша истинная пара вернётся?

В комнате стало тихо.

Каэль медленно ответил:

— У меня нет истинной пары, если её знак построен на лжи и боли моих детей.

Риан моргнул.

Это было не полное прощение.

Но первая трещина в стене.

Арвен подошёл ближе.

— Милорд, нужно решить, что делать с леди Элианой.

Каэль напрягся.

Я тоже.

Слово “решить” мне не понравилось.

— Со мной ничего делать не нужно, — сказала я.

Арвен замялся.

— Закон хранительницы вступил в силу. Но если правда о чужой душе подтвердится...

— Подтвердится, — сказала я. — Я не собираюсь врать детям.

Каэль посмотрел на меня.

— А Совету?

— Совет не дети.

Он неожиданно коротко усмехнулся.

Усталость, боль, тревога — и всё же усмехнулся.

— Значит, лгать ты всё-таки умеешь.

— Я быстро учусь.

Мира сонно шевельнулась у меня на руках.

— Мама, не уходи...

Я закрыла глаза.

Каждый раз это слово било в новое место.

— Не уйду.

Каэль услышал.

И тихо, почти невыносимо тихо спросил:

— Даже после того, что я сделал?

Я посмотрела на него.

Хотелось сказать что-то резкое. Что я остаюсь не ради него. Что его сожаление запоздало. Что я не собираюсь быть удобной спасительницей семьи мужчины, который снова и снова выбирал другую.

Но на руках у меня спала Мира.

Рядом стоял Риан, всё ещё готовый защищаться от всего мира.

И я сказала правду.

— Я остаюсь не из-за вас, Каэль.

Он кивнул.

Будто ожидал.

Но всё равно побледнел.

— Я понимаю.

— Нет, — сказала я. — Пока нет. Но, возможно, когда-нибудь поймёте.

Он встретил мой взгляд.

— Я постараюсь.

Это было мало.

Слишком мало для прощения.

Но достаточно для этой ночи.

Замок тихо загудел вокруг нас. На стене над кроватью Мира проступили новые золотые слова:

“Хранительница признана. Враг бежал. Но первый предатель всё ещё в доме.”

Арвен охнул.

Каэль медленно повернулся к двери.

Риан прижал к себе игрушечного дракона Миры.

— Значит, Селеста была не одна, — сказал мальчик.

— Да, — ответил Каэль.

Я посмотрела на золотую надпись.

На спящих детей.

На дракона, который только начал прозревать.

И поняла: эта ночь не закончилась победой.

Она только открыла дверь в настоящую войну.

А где-то в замке, среди слуг, советников и тех, кто клялся служить роду Морвейн, ходил человек, который помогал травить детей.

И он всё ещё был рядом.

Глава 7. Первый предатель

Золотые слова на стене не исчезали.

“Хранительница признана. Враг бежал. Но первый предатель всё ещё в доме.”

Первый.

Это слово было самым страшным.

Не “предатель”. Не “враг”. А именно первый.

Значит, их больше.

Каэль смотрел на надпись так, будто хотел прожечь её взглядом и вытащить из камня имя виновного.

— Арвен, — произнёс он.

Старик вздрогнул.

— Милорд?

— Все, кто этой ночью дежурил в детском крыле, в нижний зал. Немедленно. Нянь, стражу, лекарских помощников, слуг. Никого не выпускать из замка.

— Уже отдан приказ закрыть ворота.

— Закрыть не только ворота. Все переходы. Все старые ходы. Все башни. Если замок открылся для неё, значит, он может открыться и для тех, кто знает, как просить.

“Для неё” прозвучало почти осторожно.

Я стояла у кровати Миры, держа девочку на руках, и чувствовала, как она тяжелеет от сна. После всего пережитого ребёнок наконец отключился. Маленькое лицо было блед-

ным, ресницы дрожали, но дыхание стало ровнее.

Риан сидел рядом, вцепившись в край одеяла.

— Я пойду с вами, — сказал он.

Каэль даже не обернулся.

— Нет.

Мальчик напрягся.

— Опять?

Каэль медленно повернулся. На лице его мелькнула усталость. Он был на пределе: гнев, вина, бессонная ночь, побег Селесты, правда о яде, чужая душа в теле жены — всё это давило на него, но голос он удержал ровным.

— Риан, я не запрещаю тебе знать правду. Я запрещаю тебе идти туда, где может быть человек, который помогал травить твою сестру.

— Я не боюсь.

— А я боюсь, — сказал Каэль.

Риан замолчал.

Эти три слова прозвучали странно. Слишком просто для драконьего лорда. Слишком честно для отца, который привык прятать страх за приказами.

— Вы? — тихо спросил Риан.

Каэль кивнул.

— Да. Боюсь. За тебя. За Миру. И теперь уже не собираюсь делать вид, что это не так.

Мальчик отвёл глаза.

Я увидела, как он борется с собой. Как хочет остаться

злым, потому что злость привычнее надежды.

— Тогда я останусь с ней, — сказал он наконец. — Но если узнаете что-то важное...

— Я скажу тебе.

— Не как ребёнку.

— Как наследнику, — ответил Каэль.

Риан кивнул. Очень серьёзно.

Мира во сне шевельнулась и прошептала:

— Мама...

Я замерла.

Каэль тоже.

Каждый раз это слово меняло воздух между нами. Оно будто перетягивало невидимую нить от детей ко мне и одновременно резало Каэля по живому.

Я осторожно уложила Миру на кровать. Девочка тут же схватила меня за рукав.

— Не уходи...

— Я здесь, маленькая.

— Не отдавай...

— Никому.

Риан лёг рядом с сестрой поверх одеяла, словно живой щит.

— Я прослежу, — сказал он.

— А я поставлю стражу, — произнёс Каэль.

Риан посмотрел на него исподлобья.

— Стража уже была.

Каэль побледнел.

Да. Была.

И всё равно Селеста вошла.

Он повернулся к двери.

— Тогда стражу выберет замок.

Я подняла голову.

— Что?

Каэль посмотрел на стены.

— Морвейн слышит хранильницу. Пусть он покажет тех, кому можно доверять.

Странное чувство прошло по коже. Будто замок действительно ждал моего слова.

Я подошла к двери детской и положила ладонь на чёрный камень.

— Мне нужны люди, которые не причинят детям вреда.

Стены ответили мягким гулом.

В коридоре кто-то вскрикнул.

Мы вышли.

У двери стояли четверо стражников. У двоих на груди вспыхнул золотой знак — маленький дракон, свернувшийся кольцом. Двое других отшатнулись, будто знак ударил их жаром.

Каэль всё понял без объяснений.

— Вы двое остаетесь у детской, — приказал он отмеченным стражникам. — Шаг в сторону без приказа хранильницы — и будете отвечать передо мной.

Стражники опустили на одно колено.

— Да, милорд.

Двое других побледнели.

— А вы, — голос Каэля стал ледяным, — в нижний зал.

Один из них открыл рот:

— Милорд, мы служим роду...

— Тогда вам нечего бояться.

Он сказал это спокойно.

И от этого стало ещё страшнее.

Когда мы отошли от детской, я почувствовала, как силы покидают тело. Ночь казалась бесконечной. Я прожила в этом мире меньше суток, но внутри было ощущение, будто меня перемололи, собрали заново и сразу бросили в войну.

Каэль заметил.

— Ты едва стоишь.

— Привыкайте. Кажется, теперь это моё обычное состояние.

— Элиана...

Я посмотрела на него.

Он замолчал.

— Как вас называть? — спросил он наконец.

Вопрос оказался неожиданным.

— Что?

— Ты сказала, что твоё имя Марина. Но дети знают тебя как Элиану. Замок признал тебя в её теле. Я...

Он осёкся.

— Вы не знаете, кто перед вами, — закончила я.

— Да.

Раньше он бы, наверное, сказал это жёстче. Обвинил бы. Приказал объясниться. Сейчас в его голосе была осторожность. Он будто впервые понял, что любое неверное слово может сломать больше, чем уже сломано.

— Для детей я останусь той, кого они выбрали, — сказала я. — Им не нужны сейчас новые потрясения. Для остальных... пусть будет Элиана.

— А для меня?

Я не ожидала этого вопроса.

В коридоре горели золотые огни. На полу лежали длинные тени. Где-то вдалеке раздавались шаги, приказы, звон оружия. А мы стояли слишком близко друг к другу, и я вдруг снова вспомнила: он мой муж. Не мой. Но этого тела. Этой судьбы.

Мужчина, который выбрал другую.

— Для вас, милорд, я пока проблема.

Он болезненно усмехнулся.

— Справедливо.

— Я не сказала “навсегда”.

Его взгляд поднялся.

Я сама удивилась своим словам.

— Я имела в виду... — начала я.

— Я понял.

Нет, не понял. Или понял слишком много.

Мы спустились в нижний зал.

Там уже собрали людей. Няньки, слуги, стражники, лекарские помощники, повара, два младших мага, управляющий замком — сухой высокий мужчина по имени Мартен. Он стоял впереди всех, прямой, безупречный, с лицом человека, который всю жизнь был порядком, расписанием и ключами.

Увидев меня рядом с Каэлем, он поджал губы.

— Милорд, — поклонился он. — Замок закрыт. Однако леди Селесту пока не нашли.

— Я знаю, — сказал Каэль. — Значит, ей помогли.

Шёпот прошёл по залу.

Мартен выпрямился ещё сильнее.

— Это тяжёлое обвинение.

— Это не обвинение. Это начало.

Каэль прошёл к возвышению, где обычно, наверное, принимал вассалов или вершил суд. Я хотела остаться в стороне, но он вдруг остановился.

— Рядом.

Я нахмурилась.

— Что?

— Ты хранительница детей. Предатель угрожал им. Значит, ты будешь слышать всё.

Люди в зале переглянулись.

Мартен побледнел от возмущения.

— Милорд, при всём уважении, леди Элиана находится

под подозрением не меньше прочих. Ещё вчера...

— Ещё вчера я был слеп, — перебил Каэль.

Зал замер.

Он сказал это при всех.

Не громко, но достаточно ясно.

— Сегодня мои дети живы благодаря ей. И пока я не докажу обратное, любой, кто посмеет назвать её угрозой без доказательств, ответит передо мной.

Грудь странно сжало.

Не благодарность. Нет. До благодарности было далеко. Но публично защитить женщину, которую он несколько часов назад публично унизил, — это было не пустым словом.

Мартен склонил голову.

— Как прикажете, милорд.

Каэль повернулся к собравшимся.

— Моя дочь была отравлена пепельной примесью. Настой попал в её комнату этой ночью. Леди Селеста исчезла через скрытый ход или с помощью одного из вас. Замок сообщил, что первый предатель всё ещё в доме.

Кто-то из нянек всхлипнул.

Одна упала на колени.

— Милорд, мы не знали! Мы только давали то, что велели лекари!

Арвен вышел вперёд.

— Я не назначал пепельных настоев.

— Но вы назначали снотворные, — сказала я.

Старик опустил глаза.

— Да. По состоянию ребёнка. Как я считал.

— Кто приносил их в детскую?

Нянька на коленях заплакала сильнее.

— Мы брали с лекарского столика, миледи. Иногда леди Селеста приносила сама. Говорила, что от вас... от лорда приказ.

Каэль резко повернулся к ней.

— От меня?

Нянька побелела.

— Нам показывали записки с вашей печатью.

— Какие записки?

Мартен вмешался:

— Милорд, распоряжения часто передаются через управляющего. В последние месяцы вы были заняты границей, Советом, подготовкой союза. Мы старались не тревожить вас мелочами.

— Болезнь моей дочери — мелочь?

— Нет, милорд! Я не то хотел сказать.

Каэль спустился с возвышения.

Зал будто стал меньше.

— Принесите все распоряжения, касающиеся детского крыла. Немедленно.

Мартен замялся.

Слишком коротко.

Но я увидела.

Каэль тоже.

— Мартен.

— Да, милорд. Сейчас.

Управляющий сделал знак помощнику. Тот почти побежал к боковой двери.

Я тихо сказала:

— Он боится.

— Все боятся, — ответил Каэль так же тихо.

— Нет. Он боится не вас.

Каэль взглянул на меня.

— А кого?

Я посмотрела на Мартена.

Тот стоял неподвижно, но его пальцы сжимали цепь на груди — знак управляющего. Слишком сильно. До белых костяшек.

— Того, чьё имя может быть в этих бумагах.

Помощник вернулся с кожаной папкой. Мартен хотел взять её первым, но Каэль перехватил.

Развязал.

На стол легли десятки листов.

Каэль просматривал их быстро. Его лицо становилось всё жёстче.

— Запретить леди Элиане посещать детское крыло, — прочитал он. — В связи с угрозой эмоциональному состоянию наследников. Печать лорда Морвейна.

Он поднял взгляд.

— Я не подписывал это.

В зале стало холодно.

Мартен поклонился.

— Милорд, печать ваша. Я не имел права сомневаться.

— Не имел права? Или не хотел?

— Я служу вашему роду тридцать лет!

— Тогда ты должен знать мой почерк.

Мартен замолчал.

Каэль взял второй лист.

— Увеличить дозу успокаивающего настоя для леди Миры. В случае ночных приступов не допускать леди Элиану. Печать лорда Морвейна.

Третий.

— Сообщать леди Селесте обо всех изменениях в состоянии детей.

Четвёртый.

— В случае сопротивления леди Элианы считать её поведение истерическим и опасным.

Я слушала, и внутри поднималась тошнота.

Истерическая.

Опасная.

Ненужная.

Вот как это делалось. Не одним ударом. Бумагами. Печатами. “Заботой”. “Состоянием детей”. “Приказом лорда”.

Прежнюю Элиану не просто оттолкнули.

Её стерли из жизни детей официально.

Каэль стоял над этими листами, и я видела, как каждое слово режет его.

— Кто приносил тебе эти распоряжения? — спросил он Мартена.

— Курьер из западного крыла.

— Имя.

— Я... не помню.

Каэль поднял глаза.

— Ты помнишь количество свечей в гостевом зале и порядок смены белья в комнатах, где никто не жил пять лет. Но не помнишь имя курьера, который передавал приказы от моего имени?

Мартен побледнел.

— Милорд...

— На колени.

Управляющий застыл.

— Что?

— На колени, Мартен.

В голосе Каэля появился дракон.

Мартен медленно опустился.

— Клянусь, я не желал вреда детям.

— Но вред был.

— Я исполнял приказы!

— Чьи?

Мартен молчал.

И тогда я увидела на его шее тонкую серую линию. Как

след ожога. Она пульсировала под кожей, едва заметная.

— Каэль, — тихо сказала я. — Его держат.

Он повернулся ко мне.

— Что?

Я подошла ближе к Мартену. Тот дёрнулся.

— Не надо...

Голос его изменился. Впервые в нём появился не чиновник и не гордый слуга.

Испуганный человек.

— Что у вас на шее? — спросила я.

— Ничего.

— Покажите.

— Нет!

Слишком резко.

Каэль наклонился и рывком отодвинул ворот управляющего.

Серая метка вспыхнула.

Арвен охнул.

— Пепельная удавка.

Мартен зажмурился.

— Я не мог говорить.

— Кто поставил? — спросил Каэль.

Мартен затрясся.

Метка на его шее начала темнеть.

— Милорд, если я скажу...

— Я сниму её.

Арвен побледнел.

— Это почти невозможно. Она затынется, если он назовёт имя.

— Тогда напишет.

Мартен покачал головой.

— Нельзя. Она чувствует намерение.

Я смотрела на него и понимала: он виноват. Но не главный. Его страх был настоящим.

— Вы знали про яд? — спросила я.

Он поднял на меня глаза.

— Нет. Клянусь детьми Морвейна, нет. Я думал... думал, леди Миру хотят сделать тихой до церемонии. Чтобы она не сорвала союз.

Каэль ударил кулаком по столу.

— Сделать тихой?

Мартен заплакал.

Некрасиво. Беспомощно.

— Я боялся! После смерти леди Лиары замок стал другим. Совет давил. Леди Селеста сказала, что если союз сорвётся, детей заберут в столицу. Что милорд потеряет всё. Что леди Элиана нестабильна. Что так будет лучше для рода.

— И вы поверили? — спросила я.

Он посмотрел на меня.

— Все поверили, миледи. Потому что так было удобнее.

Слова попали прямо в старую рану.

Удобнее.

Конечно.

Удобнее считать женщину истеричкой, чем искать заговор. Удобнее заставить ребёнка молчать, чем услышать страшную правду. Удобнее выбрать красивую ложь, чем некрасивую боль.

Каэль отошёл к окну.

Я видела его спину. Напряжённую, почти каменную.

— Имя, — сказал он.

Мартен затряс головой.

— Я не могу.

— Тогда покажи.

— Как?

Я посмотрела на кольцо на своей руке.

— Замок может показать ложь?

Стены глухо отозвались.

Все в зале замерли.

Я положила ладонь на стол.

— Морвейн, покажи того, чей приказ он боялся нарушить.

Золотой свет пробежал по полу. Поднялся к стене за возвышением. Там, где висел огромный гобелен с гербом дракона, ткань дрогнула и потемнела.

На ней проступило изображение.

Не лицо.

Рука.

Женская рука в белой перчатке. На пальце — кольцо с пе-

пельной змеей. Рядом — другая рука. Мужская. С перстнем Совета.

А между ними — печать Каэля.

Сорванная копия его личного знака.

Каэль побелел.

— Совет.

Мартен согнулся, хватаясь за горло. Серая метка затянулась.

— Он умирает! — крикнула я.

Арвен бросился к нему.

— Милорд, удавка активировалась!

Мартен захрипел. Люди шарахнулись.

Каэль шагнул вперёд, но Арвен закричал:

— Не огнём! Пепел сожмётся сильнее!

Я уже бежала к управляющему.

— Замок, помощи!

Кольцо вспыхнуло, но слабее, чем раньше. Я была слишком истощена. Сила шла рваными толчками.

Мартен смотрел на меня выпученными глазами.

— П-простите... миледи...

— Потом извиняться будете. Дышите.

— Не... могу...

Серая линия на его шее становилась чёрной.

Каэль опустил рядом.

— Что делать?

В его голосе не было приказа.

Только вопрос.

Ко мне.

Я сжала зубы.

— Дайте руку.

Он понял сразу.

Его ладонь легла поверх моей на метку. Горячая, сильная.

Моя — с кольцом хранительницы. Между нами вспыхнул золотой свет.

— Не давите силой, — сказала я. — Просто... удерживайте.

— Я не умею просто удерживать.

— Учитесь быстро.

В другой ситуации это прозвучало бы почти смешно.

Сейчас Каэль только кивнул.

Мы держали метку вместе. Пепел сопротивлялся, впивался в кожу, тянул холодом. У меня темнело в глазах, но золотой свет всё-таки просачивался в серую удавку, размывая её.

Мартен судорожно вдохнул.

Потом ещё.

Метка не исчезла полностью, но побледнела.

Арвен выдохнул:

— Жить будет.

Я едва не рухнула.

Каэль успел подхватить меня за локоть.

— Ты истощена.

— Спасибо, я заметила.

— Нужно отдохнуть.

— После того, как узнаем, кто второй предатель.

— Ты не сможешь спасти всех за одну ночь.

Я посмотрела на него.

— А вы уже пробовали не спасать. Как получилось?

Он вздрогнул.

Жестоко.

Да.

Но я не жалела.

Каэль медленно отпустил мой локоть.

— Удар принят.

Мартена увели под охрану. Уже не как главного злодея, но и не как невиновного. В зале люди перешёптывались, боялись смотреть на Каэля, на меня, на гобелен, где ещё мерцали две руки: Селеста и неизвестный член Совета.

И копия печати.

Та самая, которой годами закрывали перед Элианой двери.

Когда все разошлись, Каэль остался у стола с поддельными приказами.

Я подошла медленно.

— Вы не могли знать всего.

— Не утешай меня.

— Я и не утешаю. Вы могли не знать всего. Но могли сомневаться.

Он сжал один из листов так, что бумага хрустнула.

— Я думал, что защищаю детей.

— От женщины, которую не потрудились услышать.

— Да.

Он сказал это без защиты.

Без оправдания.

И почему-то от этого стало больнее.

— Что стало с настоящей Элианой? — спросил он вдруг.

Я закрыла глаза.

— Не знаю.

— Она жива внутри?

— Я не знаю, Каэль.

— Но ты видела её? В зеркале?

Я вздрогнула.

— Откуда...

— Риан сказал, что ты говорила с отражением. Он многое видит.

Конечно.

Этот мальчик видел всё.

Я устало провела ладонью по лицу.

— Она оставила сообщение. Просила найти письмо Лианы. Просила не дать Селесте стать матерью детей.

Каэль долго молчал.

— Значит, даже она пыталась их защитить.

— Да.

Он закрыл глаза.

— А я считал её угрозой.

Я не стала отвечать.

Иногда молчание — единственное милосердие, которое не похоже на ложь.

Вдруг дверь нижнего зала распахнулась.

На пороге стояла Нэсса.

Рыжая служанка была босая, в одной наспех накинутой шали. Лицо — белее мела.

— Милорд! Миледи!

Каэль резко повернулся.

— Что?

Она протянула дрожащую руку.

В ладони лежал маленький серебряный ключ.

— Я нашла это в покоях леди Селесты. В тайнике за зеркалом. Я... я пошла убрать, пока стража искала её, и зеркало открылось. Наверное, замок...

Она посмотрела на меня, будто я могла объяснить.

— Что это за ключ? — спросила я.

Каэль взял его.

На серебряной головке была выгравирована лаванда.

Он побледнел.

— Это ключ от усыпальницы Лиары.

Холод прошёл по спине.

— Зачем Селесте ключ от усыпальницы вашей жены?

Нэсса всхлипнула.

— Там было ещё письмо.

Каэль поднял глаза.

— Где?

Служанка протянула смятый лист.

Я сразу узнала почерк Селесты — красивый, изящный, почти безупречный.

Каэль прочитал вслух:

— “Когда хранительница будет признана, первая мать проснётся в камне. Заберите сердце Лиары до рассвета. Без него дети останутся без защиты.”

Он замолчал.

Я почувствовала, как замок вокруг нас будто задержал дыхание.

— Сердце Лиары? — прошептала я.

Каэль сжал ключ.

— Последний огонь первой матери. Если его забрать...

— Что будет с детьми?

Ответил не он.

Ответил замок.

Золотые буквы проступили прямо на полу между нами:

“Мать однажды умерла за них. Второй раз её смерть убьёт их огонь.”

Нэсса вскрикнула.

Каэль поднял голову.

В его глазах уже горел дракон.

— В усыпальницу.

Я кивнула.

— Вместе.

Он не спорил.

Но прежде чем мы успели выйти, где-то глубоко под замком ударил колокол.

Один раз.

Второй.

Третий.

Арвен, прибежавший на звук, остановился на пороге и побелел.

— Милорд... это погребальный колокол.

Каэль резко обернулся.

— Он не звонил со дня смерти Лиары.

Арвен сглотнул.

— Значит, кто-то уже вошёл в усыпальницу.

Каэль посмотрел на меня.

Я сжала кольцо на пальце.

И впервые услышала не голос замка.

А женский шёпот.

Далёкий, слабый, почти исчезающий.

— Мои дети...

Я шагнула к выходу.

— Мы не успеваем.

Каэль взял меня за руку.

— Тогда замок проведёт.

Стены перед нами дрогнули.

Пол раскрыл золотую лестницу, уходящую вниз, в темноту.

Из глубины пахнуло лавандой.
И смертью.

Глава 8. Сердце Лиары

Золотая лестница уходила вниз.

Не в подвал.

Глубже.

Куда-то под сам замок, туда, где чёрный камень уже не казался камнем, а был похож на застывшую кровь древнего чудовища. Ступени вспыхивали под нашими ногами и гасли за спиной, будто Морвейн не просто показывал дорогу — он закрывал путь всем, кто мог пойти следом.

Внизу пахло лавандой.

Сначала едва заметно. Потом всё сильнее. Но это был не тёплый запах трав, высушенных в летний день. Это была лаванда, пролежавшая в гробнице. Лаванда, смешанная с холодом, пылью и чем-то металлическим.

Смертью.

Каэль шёл первым, но не отпускал мою руку.

— Ты можешь идти быстрее? — спросил он.

— Если перестану дышать, да.

Он замедлился.

Я едва не споткнулась от неожиданности.

— Не надо было замедляться.

— Ты сказала, что не можешь.

— Я сказала саркастически.

— Сейчас не время для сарказма.

— Скажите это моему организму. Он иначе не вывозит.
На секунду его пальцы сжались сильнее.

Не грубо. Почти... ободряюще.

— Если станет плохо, скажешь.

— Чтобы вы опять схватили меня как мешок?

— Чтобы я не дал тебе упасть.

Я хотела ответить колко.

Не смогла.

В темноте между нами повисло что-то слишком человеческое для людей, которые ещё несколько часов назад были врагами.

Сверху донёсся четвёртый удар погребального колокола.

Каэль резко поднял голову.

— Быстрее.

Мы побежали.

Лестница закончилась у высоких дверей из белого камня.

На них были вырезаны два дракона, склонившие головы над женской фигурой. В руках женщина держала пламя.

У дверей стояли двое стражников.

Вернее, лежали.

Каэль опустился рядом с первым, коснулся шеи.

— Жив.

— Второй тоже, — сказала я, проверив дыхание другого.

— Без сознания. Следов крови нет.

— Пепельный сон.

Он поднялся. Лицо стало жёстким.

— Кто-то знал, когда мы спустимся.

— Или ждал не нас.

Я посмотрела на двери.

Из щели под ними тянулся серый дым.

Каэль положил ладонь на створку.

Камень не дрогнул.

Он нахмурился, нажал сильнее. Золотой огонь пробежал по его пальцам, но тут же погас, будто дверь его не приняла.

— Запечатано, — сказал он.

— Для вас?

— Для всех. Усыпальница открывается только кровью Морвейна или ключом первой матери.

Он поднял серебряный ключ, найденный в покоях Селесты. На его головке лаванда поблёскивала тусклым светом.

— А если это ловушка?

— Это точно ловушка.

— И мы всё равно войдём?

Он посмотрел на меня так, будто вопрос был лишним.

— Там сердце Лиары.

— И человек, который его забирает.

— Тем более.

Каэль вставил ключ.

Двери не открылись.

Вместо этого по белому камню пробежала чёрная трещина, и из неё вырвался женский шёпот:

— Поздно...

Я узнала этот голос.

Не Селеста.

Другой.

Старше. Суше. Холоднее.

— Кто это? — спросила я.

Каэль побледнел.

— Леди Вейра.

— Кто?

— Глава северного Совета. Она принимала Селесту в родовую защиту.

— То есть человек Совета уже внутри.

— Да.

Он схватился за дверь обеими руками. Воздух вокруг стал раскаляться.

— Каэль, не силой.

— У нас нет времени.

— Лиара уже сказала вам: не силой.

— А ты предлагаешь поговорить с дверью?

— С замком — получилось.

Он сжал челюсть.

Но отступил.

Это было почти чудом.

Я положила ладонь на белый камень. Кольцо хранительницы нагрелось, но слабее, чем раньше. Сил не осталось. Внутри было пусто, как в выгоревшем доме.

— Морвейн, — прошептала я. — Нам нужно войти.

Тишина.

Серый дым полз по полу, оббивая наши ноги.

Каэль резко сказал:

— Элиана...

— Тихо.

Я закрыла глаза.

Не знаю, к кому обращалась — к замку, к Лиаре, к женщине, чьё тело теперь носила, или к той Марине, которая ещё вчера была просто уставшей женой из другого мира.

— Лиара, — сказала я. — Если ты слышишь... Мы пришли не за твоим огнём. Мы пришли защитить его. Риан и Мира живы. Но им нужна твоя помощь.

Двери молчали.

А потом из глубины камня раздался слабый детский смех.

Не Миры.

Не Риана.

Воспоминание.

Маленький мальчик смеялся, женщина напевала колыбельную, а мужчина — Каэль, молодой, живой, ещё не ледяной — говорил:

— Лиара, он опять поджёт занавеску.

Женщина смеялась:

— Значит, будет сильным.

Голос Каэля рядом со мной сорвался:

— Лиара...

Белый камень дрогнул.

Я повернулась к нему.

— Скажите ей.

— Что?

— Не мне. Ей.

Он смотрел на дверь так, будто она была живой.

— Я не умею говорить с мёртвыми.

— С живыми у вас тоже пока не очень, но мы тренируемся.

Он коротко, почти болезненно усмехнулся.

Потом положил ладонь рядом с моей.

— Лиара, — сказал он низко. — Если хоть часть тебя здесь... Я не сберёг. Ни тебя, ни детей так, как должен был. Я не услышал Риана. Не поверил Мире. Не защитил Элиану от лжи, которую сам позволил сделать законом.

Он замолчал.

Я почувствовала, как под его пальцами дрожит камень.

— Но я здесь. И я больше не отдам наших детей тем, кто хочет их сломать. Помогите нам. Не мне. Им.

Двери открылись.

Не широко.

Ровно настолько, чтобы мы могли войти.

Внутри усыпальница была совсем не такой, как я представляла.

Не мрак. Не склеп. Не холодные плиты с именами.

Это был сад под землёй.

Мёртвый сад.

Белые каменные деревья тянулись к сводчатому потолку. На ветвях висели прозрачные кристаллы, похожие на замёрзшие капли. В центре стояла гробница из молочного камня, а над ней парило пламя.

Небольшое. Бело-золотое.

Оно не жгло. Оно дышало.

Сердце Лиары.

Но вокруг пламени уже вился серый пепел.

У гробницы стояли двое.

Женщина в тёмно-сером платье, высокая, сухая, с серебряными волосами, собранными в тугой узел. Её лицо было таким неподвижным, что напоминало маску. На груди — знак Совета: семь драконьих когтей вокруг короны.

Рядом с ней — Мартен.

Я застыла.

— Вы? — выдохнула я.

Управляющий стоял прямо. На шее всё ещё виднелась бледная пепельная удавка, но теперь она не душила его. Она будто подчиняла.

Каэль шагнул вперёд.

— Вейра.

Женщина повернулась.

— Лорд Морвейн. Как невежливо входить без приглашения.

Её взгляд скользнул ко мне.

— А это, полагаю, новая хозяйка. Или лучше сказать —

чужая душа в краденном теле?

Каэль резко ответил:

— Осторожнее.

Я чуть не усмехнулась.

Совсем недавно он говорил это мне.

Теперь — за меня.

Вейра заметила.

— Как быстро меняются мужские привязанности, когда дети произносят слово “мама”.

— Отойдите от сердца Лиары, — сказал Каэль.

— Нет.

Просто. Спокойно.

Каэль поднял руку, но я поймала его запястье.

— Подождите.

Он посмотрел на меня с яростью.

— Она оскверняет усыпальницу моей жены.

— И ждёт, что вы ударите первым.

Вейра улыбнулась.

— Умная. Не Элиана, конечно. Та была удобнее. Плакала, сомневалась, ломалась. А эта смотрит прямо. Неприятно.

Я похолодела.

— Вы знали, что я другая.

— Разумеется. Чужие души пахнут иначе. Особенно когда приходят через смерть.

Каэль напрягся.

— Кто вытащил её сюда?

— О, не я. И не Селеста. Мы всего лишь воспользовались ошибкой замка. Морвейн был так отчаянно голоден до матери для наследников, что схватил первую душу, способную услышать детский страх.

Слова ударили больно.

Первую душу.

Не особенную. Не избранную. Просто подходящую.

Но потом я посмотрела на сердце Лиары.

Оно дрожало в пепле.

А где-то наверху спали дети.

И боль отступила.

Неважно, почему я здесь.

Важно, что я здесь.

— Зачем вам огонь Миры? — спросила я.

Вейра подняла брови.

— Мира? Дитя, вы всё ещё мыслите слишком мелко. Нам нужен не огонь девочки. Нам нужно, чтобы он не проснулся.

— Почему?

— Потому что бело-золотой огонь не подчиняется Совету. Он выбирает сам. Он помнит древних драконов, которые не кланялись трону.

Каэль резко произнёс:

— Древний огонь — легенда.

— Как и детский выбор? — мягко спросила Вейра. — Как и сердце замка? Как и письма мёртвых матерей? Сегодня легенд стало слишком много, милорд.

Мартен стоял молча, но его глаза были живыми. Испуганными. Где-то там, под пепельным приказом, он всё слышал.

— Мартен, — сказала я. — Вы можете сопротивляться? Его губы дрогнули.

Вейра даже не посмотрела на него.

— Не утруждайтесь. Он слаб. Слабые люди очень полезны: они всегда называют страх благоразумием.

Мартен зажмурился.

Каэль шагнул вперёд.

— Отпусти его.

— Сначала решим, кого именно вы хотите спасти. Предателя, мёртвую жену, новую хранительницу или детей? Вы всегда плохо выбирали, Каэль. Но сегодня у вас особенно мало времени.

Она подняла руку.

Пепел вокруг сердца Лиары сжался.

В тот же миг я услышала крик Миры.

Не ушами.

Внутри.

Девочка проснулась где-то наверху, и её боль прошла через кольцо прямо в меня. Я согнулась, хватаясь за грудь.

— Элиана! — Каэль подхватил меня.

— Мира...

Лицо Каэля изменилось.

— Что с ней?

Вейра ответила:

— Когда сердце первой матери погаснет, дети потеряют защиту. Не сразу. Сначала слабость. Потом огонь начнёт пожирать их изнутри. Очень печально. Очень законно. Совет объявит род Морвейн нестабильным и заберёт наследников под имперскую опеку.

— Вы чудовище, — сказала я.

— Я политик.

— Это не оправдание.

— Конечно. Это должность.

Каэль медленно отпустил меня.

— Я убью тебя.

— И тем самым подтвердите, что род Морвейн опасен для трона. Дракон-лорд сжёг главу Совета в усыпальнице мёртвой жены. Какой прекрасный заголовок для императорского указа.

Он замер.

Я увидела, как он борется с собой.

Каждая часть его требовала огня.

Но огонь был именно тем, чего она ждала.

Я сделала шаг к сердцу Лиары.

Пепел тут же поднялся стеной.

— Хранительница не подойдёт, — сказала Вейра. — Вы ещё слишком слабы.

— Возможно.

— И слишком чужая.

— Зато не мёртвая.

Её глаза сузились.

— Пока.

Каэль резко встал между нами.

— Не трогай её.

— О, — Вейра улыбнулась. — Уже “её”? Как быстро ненужная жена снова стала нужной.

Эти слова кольнули. Но не так, как раньше.

Потому что теперь я знала: нужной мне не нужно быть для него.

Я должна быть нужной детям.

— Каэль, — сказала я тихо.

Он не обернулся.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказала.

— Ты скажешь, что нужно довериться тебе, подойти к пламени и попытаться сделать то, чего не умеешь. Нет.

— А ваш план?

— Вытащить тебя отсюда и вернуться с людьми.

— Пока мы будем возвращаться, Мира и Риан могут погибнуть.

Он резко повернулся.

— Ты не обязана умирать за моих детей.

— А Лиара была обязана?

Он застыл.

Жестоко.

Снова жестоко.

Но правда не всегда приходит мягко.

— Она уже умерла за них один раз, — сказала я. — И сейчас её сердце держится не потому, что вы сильный. Не потому, что Совет законный. А потому что мать оставила детям любовь. Если я хранительница, значит, я должна хранить.

— Ты даже не знаешь их сутки.

— Иногда суток хватает, чтобы понять, что ребёнок боится. А кому-то не хватает месяцев.

Он побледнел.

Вейра рассмеялась.

— Ах, восхитительно. Продолжайте. Саморазрушение семьи Морвейн всегда было самым изящным оружием против неё.

Я посмотрела на Каэля.

— Я не хочу с вами воевать. Не сейчас. Помогите мне.

Он молчал.

— Не силой, — напомнила я. — Доверием.

Его лицо изменилось.

Лиара сказала это в тайной комнате.

Огонь открывает двери. Но только доверие выводит детей из тьмы.

Каэль медленно кивнул.

— Что делать?

Вопрос прозвучал тихо.

Но в нём было больше силы, чем в любом приказе.

Я протянула ему руку.

— Дайте мне ваш огонь. Не как оружие. Как... опору.

— Я могу навредить тебе.

— Можете. Но если будете бояться, точно не поможете.

Он взял мою ладонь.

Жар прошёл по руке, но не обжёг. Я почувствовала его силу: огромную, тяжёлую, бурлящую, как вулкан под кожей. Не мягкую. Не домашнюю. Драконью.

— Меньше, — прошептала я.

— Пытаюсь.

— Ещё меньше.

— Я сказал, пытаюсь.

— Плохо пытаетесь.

— Элиана...

— Марина, — вырвалось у меня.

Он замер.

И вдруг огонь стал тише.

Не слабее. Тише.

— Марина, — повторил он.

Моё настоящее имя в его голосе прозвучало странно. Не как чужеродное. Как признанное.

Кольцо вспыхнуло.

Золотой свет из его ладони прошёл через мою, смешался с теплом печати и потянулся к сердцу Лиары.

Вейра резко подняла руку.

— Мартен.

Управляющий дёрнулся, как кукла на нитях, и шагнул нам

навстречу с кинжалом.

Каэль хотел отпустить меня, но я сжала его пальцы.

— Нет! Не разрывайте связь!

— Он ударит тебя!

— Мартен! — крикнула я. — Вы говорили, что не хотели вреда детям. Докажите!

Кинжал дрожал в его руке.

Вейра процедила:

— Убей хранительницу.

Мартен захрипел. Пепельная метка на шее почернела.

— Не... могу...

— Можете, — сказала я. — Не меня. Её приказ. Разрежьте удавку.

— Она... убьёт...

— Она и так вас убивает!

Мартен закричал и развернул кинжал.

Не на меня.

На себя.

— Нет! — Каэль рванулся, но связь удержала его.

Мартен ударил не в горло, а по пепельной метке. Лезвие вспыхнуло серым. Он упал на колени, задыхаясь, но удавка треснула.

Вейра отшатнулась.

— Жалкий дурак!

На секунду её контроль над пеплом ослаб.

Этого хватило.

Я шагнула к сердцу Лиары, не отпуская руку Каэля, и протянула вторую ладонь к бело-золотому пламени.

— Лиара, — прошептала я. — Я не заменю тебя. Не заберу твоё место. Не сотру твоё имя. Я просто сохраню их. Клянусь.

Пламя дрогнуло.

И коснулось моей ладони.

Боли не было.

Было горе.

Такое огромное, что я перестала видеть усыпальницу.

Я увидела Лиару.

Она стояла у кровати Миры. Бледная, с кровью на губах, но улыбалась. В одной руке держала младенца, другой касалась головы маленького Риана.

— Ты будешь помнить, — говорила она сыну. — Даже если все скажут, что это сон.

— Мама, не уходи, — плакал маленький Риан.

— Я не уйду совсем. Я оставляю свет.

Потом она посмотрела прямо на меня.

Не на прошлое.

На меня.

— Не дай ему снова выбрать страх.

— Кому? — прошептала я.

— Каэлю. Риану. Всем им. Драконы называют страх долгом, когда не хотят признать, что боятся любить.

Видение исчезло.

Пламя вспыхнуло.

Пепел вокруг него рассыпался.

Вейра вскрикнула. Её отбросило от гробницы к каменному дереву. Каэль рванулся вперёд, но она вскинула руку, и перед ней возникла тёмная печать Совета.

— Не смейте! — рявкнул он.

— Уже смею, — прошипела она.

Кровь текла у неё из уголка губ, но глаза горели яростью.

— Вы думаете, спасли их? Нет. Вы просто объявили войну. Хранительница признана, сердце первой матери пробуждено, чужая душа названа именем. Теперь Совет придёт не тайно.

Она посмотрела на меня.

— Они придут с законом.

Каэль поднял руку, но Вейра ударила ладонью по своему перстню. Серый свет вспыхнул, и её фигура начала растворяться.

— Каэль! — крикнула я.

Он метнул огонь.

Поздно.

Вейра исчезла, оставив после себя запах пепла и обугленную метку Совета на белом полу.

В усыпальнице стало тихо.

Только Мартен хрипло дышал на камнях.

Каэль подошёл к нему, присел.

— Зачем ты это сделал?

Управляющий с трудом поднял глаза.

— Милорд... я был трусом. Но не хотел... чтобы дети умерли.

— Ты предал их.

— Да.

Одно слово.

Без оправдания.

Каэль смотрел на него долго.

— Жить будешь. Суд — позже.

Мартен закрыл глаза.

— Спасибо...

— Не благодари. Это не милость. Ты ещё расскажешь всё, что знаешь.

Я стояла у гробницы, всё ещё чувствуя на ладони тепло сердца Лиары. Пламя теперь горело ровно. Чисто. Бело-золотой свет поднимался к потолку и уходил куда-то вверх — к детям.

— Мира, — прошептала я.

Каэль сразу обернулся.

— Что?

— Ей легче.

Я не знала откуда знала.

Просто чувствовала.

И Риана тоже. Его огонь больше не метался. Он был рядом с сестрой. Маленький, упрямый, яркий.

Каэль подошёл ко мне.

— Ты слышишь их?

— Чувствую.

Он посмотрел на пламя.

— Лиару тоже?

Я не ответила сразу.

— Она просила не дать вам снова выбрать страх.

Каэль закрыл глаза.

— Это похоже на неё.

— Вы очень её любили.

— Да.

Слово было тихим.

Честным.

Почему-то оно не ранило. Наоборот. Если мужчина способен так любить мёртвую, возможно, в нём ещё осталось что-то живое для детей.

Не для меня.

Для них.

— Я не хочу занимать её место, — сказала я.

Каэль посмотрел на меня.

— Я знаю.

— Нет. Не знаете. Дети называют меня мамой, замок — хозяйкой, Совет скоро назовёт угрозой, а я всё ещё женщина, которая вчера потеряла свою жизнь и не понимает, где её душа должна быть. Я не Лиара. И не прежняя Элиана. Я даже не знаю, имею ли право оставаться.

Он молчал.

Потом сказал:

— Дети дали тебе это право.

— А вы?

Вопрос вырвался раньше, чем я успела его остановить.

Каэль смотрел на меня долго.

Очень долго.

— Я потерял право решать за всех, — сказал он наконец.

— Но если ты спрашиваешь, доверяю ли я тебе остаться рядом с ними... да.

Грудь сжало.

— После того, как узнали, что я чужая?

— После того, как увидел, что чужая душа сделала для моих детей больше, чем все свои.

Это было слишком.

Слишком тяжело. Слишком близко. Слишком рано.

Я отвернулась к пламени.

— Не говорите красиво, Каэль. Я плохо верю красивым словам.

— Тогда буду делать.

— Что?

— То, во что ты согласишься.

Я не успела ответить.

Сверху донёсся звон.

Не погребальный колокол.

Другой.

Тревожный.

Арвен появился на верхней ступени, задыхаясь.

— Милорд! Миледи!

Каэль резко повернулся.

— Дети?

— Живы. Леди Мира пришла в себя. Но к воротам при-
был гонец.

— Чей?

Арвен побледнел.

— Императорский.

В усыпальнице снова стало холодно.

Каэль медленно выпрямился.

— Уже?

— Он требует немедленного допуска в замок. У него при-
каз Совета и печать столицы.

Вейра была права.

Они пришли с законом.

Я посмотрела на сердце Лиары. Пламя тихо дрожало, буд-
то предупреждало.

Каэль протянул мне руку.

На этот раз я взяла её без спора.

— Что бы ни было наверху, — сказал он, — ты не оста-
нешься одна.

Я подняла глаза.

— Это обещание?

— Да.

— Осторожнее, милорд. Дети их запоминают.

Он впервые улыбнулся.

Устало. Больно. Почти незаметно.

— Значит, пора научиться выполнять.

Мы поднялись из усыпальницы вместе.

А за нашими спинами бело-золотое сердце первой матери горело ярче, чем до нашего прихода.

Но у ворот Морвейна уже ждал закон, который мог забрать у меня детей быстрее, чем любая Селеста.

Глава 9. Закон против сердца

Когда мы поднялись из усыпальницы, замок встретил нас тишиной.

Не покоем.

Именно тишиной перед ударом.

Коридоры, ещё недавно дрожавшие от тревоги, теперь будто затаились. Золотые линии в стенах горели тускло, словно Морвейн устал после ночи, полной яда, пепла, чужой магии и пробуждённых клятв.

Каэль шёл рядом.

Не впереди, как раньше.

Рядом.

Его ладонь всё ещё держала мою. Я заметила это не сразу. Только когда мы вышли в верхний переход, где уже ждали Арвен и двое стражников, а взгляды всех троих упали на наши сцепленные пальцы.

Каэль тоже заметил.

Но не отпустил.

— Где дети? — спросил он.

— В детском крыле, милорд, — ответил Арвен. — Леди Мира пришла в себя. Слаба, но говорит. Риан с ней. Замок не подпускает никого, кроме отмеченной стражи и Нэссы.

Я выдохнула.

Жива.

Мира жива.

В груди, где всю дорогу до усыпальницы стоял острый камень, стало чуть легче.

— А гонец? — спросил Каэль.

Арвен помрачнел.

— В нижнем приёмном зале. С ним двенадцать императорских стражников и писарь Совета. Они требуют немедленной встречи.

— Требуют? — голос Каэля стал холодным.

— Да, милорд.

— В моём замке?

Арвен опустил глаза.

— Они ссылаются на чрезвычайный указ о безопасности древних родов.

Каэль усмехнулся.

Ни капли веселья.

— Как быстро Совет вспомнил о безопасности моих детей после того, как не смог их отравить.

Я почувствовала, как его пальцы сжались на моей руке.

— Они пришли за детьми? — спросила я.

Арвен посмотрел на меня.

Слишком долго.

— Формально — проверить состояние наследников.

— А неформально?

— Изъять их под временную защиту столицы, если род Морвейн признан нестабильным.

Мир на секунду сузился до одного слова.

Изъять.

Как вещь.

Как доказательство.

Как проблему, которую можно перенести из одной комнаты в другую.

— Нет, — сказала я.

Каэль повернулся ко мне.

— Элиана...

Я выдернула руку.

Не потому что не хотела его касания.

Потому что если сейчас буду держаться за кого-то, то сломаюсь.

— Нет, — повторила я. — После всего? После яда, ожогов, пепельной удавки, Селесты, письма Лиары — они просто войдут и скажут: отдайте детей?

— Они могут попытаться, — сказал Каэль.

— А вы?

Он посмотрел на меня.

Золотые глаза горели ровно. Без прежней слепой ярости. Без приказной холодности.

— Я сказал в усыпальнице: ты не останешься одна. Это касается и детей.

Слова были правильные.

Но я уже слишком хорошо знала: правильные слова легко говорить до того, как перед тобой встанет закон, печать,

власть и страх потерять всё.

— А если Совет пригрозит вам лишением титула? — спросила я. — Если скажет, что вы не имеете права держать детей здесь? Если объявит меня угрозой?

Арвен резко поднял голову.

Каэль не отвёл взгляда.

— Тогда я спрошу себя, что важнее: титул или дети.

— И?

— И впервые выберу правильно.

Молчание стало другим.

В нём уже не было только тревоги. Там появилось что-то похожее на опору.

Не доверие полностью.

Но начало.

— Тогда идём, — сказала я.

Каэль кивнул.

Арвен кашлянул.

— Милорд, возможно, леди Элиане лучше остаться в детском крыле. Гонец наверняка знает о... переменах.

— О чужой душе? — спросила я прямо.

Старик побледнел.

— Я не хотел...

— Зато они захотят. Селеста сказала это не случайно. Если Совет узнает, он ударит именно туда.

Каэль посмотрел на Арвена.

— Кто знает?

— Из наших? Я, вы, дети, Нэсса, возможно, Мартен. И Селеста с леди Вейрой.

— Значит, Совет уже знает.

Арвен молча склонил голову.

— Тем более я пойду, — сказала я.

Каэль нахмурился.

— Они будут провоцировать.

— Отлично. У меня сегодня много практики.

— Это не шутка.

— А я не смеюсь.

Он хотел возразить, но остановился.

Кажется, вспомнил, что приказы со мной работают плохо.

— Рядом со мной, — сказал он.

— Не потому что вы приказываете.

— Потому что там безопаснее.

Я посмотрела на него.

— Вот так лучше.

Мы пошли в нижний приёмный зал.

По дороге замок будто менялся. Там, где раньше висели тяжёлые гобелены, теперь проступали старые родовые знаки. Под ногами загорались тонкие линии, но не золотые — бело-золотые, как сердце Лиары. Они тянулись следом за нами, словно сама первая мать провожала нас к новому испытанию.

У дверей зала стояли стражники Каэля. Все напряжённые. У некоторых на груди горел знак доверия замка. У других —

нет, но их пока не убрали. Значит, Каэль не хотел устраивать чистку на глазах у имперцев.

Умно.

И страшно.

Двери открылись.

В нижнем зале было холодно.

Не из-за сквозняка.

Из-за людей, которые стояли в центре, как будто уже владели этим местом.

Императорский гонец оказался молодым мужчиной в тёмно-синем мундире с серебряными застёжками. Красивое лицо, гладко зачёсанные волосы, взгляд человека, который привык прятать презрение за безупречной вежливостью.

Рядом — писарь Совета. Невысокий, сухой, с узким лицом и толстой папкой в руках.

За ними — двенадцать стражников в столичных доспехах.

На мгновение мне стало смешно.

Тайные яды, пепельные удавки, украденные печати, попытка вырвать сердце мёртвой матери — и вот теперь всё это прикрыто красивым мундиром и папкой с документами.

В моём мире тоже так бывало.

Самые грязные вещи часто приносили в чистых конвертах.

Гонец поклонился Каэлю.

Неглубоко.

— Лорд Морвейн.

— Лорд? — Каэль медленно прошёл к возвышению. — Насколько я помню, в моём доме ко мне обращаются “ваша светлость”.

Гонец чуть улыбнулся.

— Приношу извинения, ваша светлость. Ночь, как я понимаю, выдалась тревожной.

— Ваша осведомлённость впечатляет. Особенно учитывая, что ворота Морвейна были закрыты.

— Столица имеет свои пути узнавать о нестабильности великих родов.

— Нестабильности, — повторил Каэль.

Я встала рядом с ним.

Не позади.

Гонец заметил. Его взгляд скользнул по мне — быстро, оценивающе, неприятно.

— Леди Элиана Морвейн, полагаю.

— Пока ещё да, — ответила я.

Каэль едва заметно повернул голову.

Гонец приподнял бровь.

— Любопытный ответ.

— Ночь располагает к любопытству.

Писарь Совета зашуршал бумагами.

— Ввиду сообщений о применении запрещённой родовой магии, нестабильном состоянии наследников и незаконном пробуждении хранительницы, Совет северных родов и императорская канцелярия постановляют провести немедлен-

ную проверку.

— Кто сообщил? — спросил Каэль.

Писарь моргнул.

— Простите?

— Вы сказали: ввиду сообщений. Кто сообщил?

— Источник Совета защищён законом.

Каэль улыбнулся.

Это была плохая улыбка.

— Моя дочь была отравлена. Мой сын подвергся нападению. Леди Селеста Арвель, которую Совет продвигал как мою истинную пару, бежала после попытки похищения ребёнка. Леди Вейра из Совета осквернила усыпальницу моей жены. И теперь вы приходите ко мне с сообщениями от защищённого источника?

Гонец уже не улыбался.

— Ваша светлость, я здесь не для обсуждения слухов.

— А я обсуждаю не слухи.

Каэль бросил на стол обугленный лоскут белой ткани и кольцо с пепельной змеей, найденное в усыпальнице после ритуала Вейры. Кольцо Лиара не дала забрать Селесте полностью — оно треснуло и осталось в пепле, как улика.

Писарь побледнел.

Гонец опустил взгляд.

— Это серьёзные обвинения.

— Это серьёзные доказательства.

— Их необходимо передать Совету для изучения.

Я не выдержала и тихо рассмеялась.

Все повернулись ко мне.

— Простите, — сказала я. — Просто потрясающая схема. Совет присылает людей, члены Совета травят детей, потом Совет забирает доказательства против Совета, чтобы Совет сам себя проверил. Очень надёжно.

Арвен где-то за спиной кашлянул так, будто подавился воздухом.

Гонец посмотрел на меня уже холоднее.

— Леди Морвейн, я понимаю, что вы пережили потрясение, но...

— Нет, не понимаете.

— Прошу не перебивать официальный запрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.